

F $\frac{75}{453}$

75
—
453

Кн. Бог. номер 26/4

27 453 1103-1
ИВАНЪ СЕРГѢВИЧЪ

ТУРГЕНЕВЪ

ЕГО ЖИЗНЬ И СОЧИНЕНІЯ.

ПОСОБІЕ

ДЛЯ СРЕДНИХЪ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ.

СОСТАВИЛЪ

И. И. КРАМПЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1885.

РУССКІЕ ПИСАТЕЛИ

ДЛЯ ШКОЛЬ.

ПОДЪ РЕДАКЦІЮ И СЪ ПРЕДИСЛОВІЕМЪ

ВИКТОРА ОСТРОГОРСКАГО.

I. **В. А. Жуковскій**, его жизнь и сочиненія,
составилъ В. Икорниковъ. Спб. 1885 г. Ц. 40 к.

II. **И. С. Тургеневъ**, его жизнь и сочиненія,
составилъ И. Крампъ. Спб. 1885 г. Ц. 40 к.

РУССКІЕ ПИСАТЕЛИ

ДЛЯ ШКОЛЬ.

ПОДЪ РЕДАКЦІЮ И СЪ ПРЕДИСЛОВІЕМЪ
ВИКТОРА ОСТРОГОРСКАГО.

ПОСОБІЕ

ДЛЯ СРЕДНИХЪ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ.

И. С. ТУРГЕНЕВЪ,

ЕГО ЖИЗНЬ И СОЧИНЕНІЯ.

СОСТАВИЛЪ

И. И. КРАМПЪ.

С-ПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ В. БЕЗОБРАЗОВА И КОМП.
(Вас. Остр., 8 линія, д. № 45).

1885.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Предлагаемый выпускъ нѣсколько отличается отъ перваго выпуска — Біографіи В. А. Жуковскаго. Говоря о Тургеневѣ, составитель имѣлъ ввиду читателей уже знакомыхъ, хотя сколько нибудь, съ литературой, — преимущественно, учениковъ и ученицъ старшихъ классовъ гимназій; онъ старался въ общихъ чертахъ характеризовать поэта, какъ чуткаго къ жизни писателя и гуманнаго чловѣка, преданнаго всей душой интересамъ своей родины. Особенно подробно остановился авторъ на дѣтствѣ и воспитаніи поэта, а равно и тяжелыхъ условій крѣпостныхъ порядковъ, такъ повліявшихъ на всю поэтическую дѣятельность Тургенева. Не лишнимъ показалось составителю распространиться также и вообще о направленіяхъ литературы тридцатыхъ

и начала сороковых годовъ, такъ какъ безъ пониманія этихъ направленій не вполне ясно значеніе поэта. Въ книжкѣ найдетъ читатель и общую оцѣнку всей литературной дѣятельности поэта, сдѣланную, по лучшимъ критическимъ статьямъ, преимущественно, о тѣхъ произведеніяхъ, съ которыми особенно желательно ознакомитъ въ школѣ юношество, обыкновенно оканчивающее свое гимназическое образованіе Гоголемъ. Въ книжкѣ приложенъ указатель и нѣкоторыхъ критическихъ статей и книгъ, по которымъ желающіе могутъ ознакомиться съ оцѣнкой Тургенева поподробнѣе.

Викторъ Острогорскій.

БЮГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

...И долго при лампѣ вечерней порою,
За тѣснымъ и дружнымъ семейнымъ кружкомъ,
Въ студенческой кельѣ, въ саду надъ рѣкою,
На школьной скамейкѣ и всюду кругомъ
Знакомыя будутъ мелькать намъ страницы,
Звучать отголоски знакомыхъ рѣчей,
И, словно живыя, вставать вереницы,
Тобою возсозданныхъ русскихъ людей.

С. Надсонъ.

I.

Недалеко отъ Парижа, почти на берегу Сены, есть небольшое живописное мѣстечко—Буживаль, которое съ недавнихъ поръ стало особенно дорого для насъ, русскихъ.

Среди цѣлаго ряда хорошенькихъ дачныхъ построекъ, вилла Лефренъ, принадлежащая знаменитой пѣвицѣ г-жѣ Виардо, невольно останавливаетъ общее вниманіе. Роскошный садъ съ густыми липовыми аллеями, цвѣтниками, лужайками, фонтанами, статуями, живописно отдѣляетъ довольно крутой холмъ, гдѣ стоитъ сама дача. Въ другой части этого сада, въ сторону отъ шоссе, красуется двухъ-этажный павильонъ во вкусѣ старинныхъ аристократическихъ замковъ. Трудно близъ Парижа подыскать болѣе подходящее мѣсто для того, кому хочется отдохнуть на свѣжемъ воздухѣ, пожить нѣ-

сколько лѣтнихъ мѣсяцевъ вдали отъ шумныхъ и душныхъ улицъ столицы, среди цвѣтущей природы: отсюда, съ холма, открывается величественная картина всего теченья Сены, извивающейся между высокихъ тополей острова, темною, густою зеленью рощи и живописными возвышенностями. Здѣсь-то окончилъ свои дни великій писатель и человѣкъ И. С. Тургеневъ, ни разу передъ смертью не взглянувъ на всѣ эти роскошные дары природы, которую онъ такъ глубоко любилъ, такъ умно, восторженно и своеобразно старался истолковать и намъ ея, часто незамѣтная для простаго смертнаго, красоты.

Недавно еще Россія оплакала своего великаго старца на свѣжей его могилѣ, окруживъ ее всѣмъ, что только она нашла въ себѣ лучшаго: и ученые, и художники, и простые труженники, и дѣти, этотъ живой залогъ будущихъ силъ родины, — густой толпой пришли сказать ему свое сердечное «прости»; — но Россія долго еще будетъ помнить эту величественную фигуру «вѣщаго» великана съ серебряной бородой, — точно любимаго героя фантастической сказки, — долго еще въ его твореніяхъ будетъ находить для себя уладу и тотъ глубокой смыслъ, который проясняетъ самую нашу жизнь и освѣщаетъ сокровеннѣйшіе изгибы человѣческаго духа.

Въ людяхъ избранныхъ, отмѣченныхъ геніемъ, есть черты, которыя никогда не старѣются и не забываются. Недаромъ древніе старались ихъ увѣковѣчить и передать потомству. Наружность Тургенева была именно изъ тѣхъ, которыя съ разу характеризуютъ часто цѣлую расу, цѣлый народъ, глубоко западаютъ въ памяти и дѣлаются однимъ изъ любимѣйшихъ, симпатичныхъ образовъ. Смѣшно даже, что этого величественнаго старца, по внѣшности — типичнѣйшаго представителя прежняго русскаго барства, по внутреннему складу — лучшаго выразителя славянской расы, человѣка, всецѣло обра-

зовавшася и воспитавшася на всѣхъ особенностяхъ русской крѣпостной жизни — не такъ еще давно обвиняли въ отступничествѣ, въ недостаткѣ патриотизма и чуть ли не въ ненависти къ самой родинѣ и всему русскому.

† Въ наружности Тургенева поражала эта плавная и спокойная величавость, такъ живо напоминающая древняго русскаго боярина, котораго поэтъ такъ характеризовалъ въ своихъ стихахъ:

Бояринъ любить хлѣбосоле:
 Для гостя домъ его открыть.
 Столъ клонить брашна, пирь — раздолье, —
 При томъ и нищій не забыть.

(*Князь Вяземскій.*)

И никто сразу не могъ бы подумать, что подъ этой строгой маской философа скрывается веселое, почти дѣтское и восторженное сердце юноши. Цвѣтущее свѣжее лицо его красиво отгнѣнялось мягкими серебристыми волосами, одна прядь которыхъ, съ лѣвой стороны, граціозно изгибалась въ видѣ буквы г, доходя до бровей. Густыя бѣлыя рѣсницы и густая бѣлая борода придавали его доброму и спокойному лицу, съ нѣсколькими рѣзкими чертами, своеобразный видъ. Эта голова покоилась на высококомъ, ширококомъ и полномъ туловищѣ; но особенно удивительно — этотъ колоссъ дѣлалъ жесты такъ робко и нерѣшительно, какъ дитя. Онъ говорилъ тихимъ, мягкимъ голосомъ, съ особеннымъ мастерствомъ умѣлъ рассказывать и любилъ оживлять свою рѣчь анекдотами, которыхъ зналъ массу. Рѣчь его была чрезвычайно обаятельна, такъ что отъ него всегда бывали въ восторгѣ тѣ, кого онъ хотѣлъ знать, кому скольконибудь сочувствовали; другимъ же онъ иногда казался сухимъ, гордымъ, даже злымъ. Какъ натура нервная, хотя на видъ онъ всегда бывалъ спокоенъ,

онъ часто ошибался въ своей оцѣнкѣ людей и сочиненій: онъ часто восторгался незначительнымъ сочиненіемъ, замѣтивъ въ немъ правдивость и искренность, и не признавалъ серьезнаго литературнаго значенія за многими такими крупными произведеніями, какъ, напримѣръ, романы Виктора Гюго. Вообще, напыщенности и дѣланности Тургеневъ рѣшительно не прощаль никому, будь это знаменитый писатель, или начинающій еще юноша. Если же замѣчалъ онъ въ человѣкѣ малѣйшій проблескъ таланта или симпатичной оригинальности въ характерѣ, онъ приходилъ въ восторгъ наивно, добродушно, съ чисто-дѣтскимъ преувеличеніемъ, предавался человѣку всецѣло, съ охотой выслушивалъ его горе, радости, надежды, въ особенности, если это былъ молодой еще человѣкъ, полный силы и свѣтлой вѣры въ будущее. Почти каждый день, отъ 10 до 1 ч. дня, въ улицѣ «Douai», въ Парижѣ, гдѣ послѣднее время обыкновенно жилъ Тургеневъ, въ квартирѣ его можно было встрѣтить человѣкъ 5—6 молодежи, которые или доказывали Ивану Сергѣевичу справедливость своихъ иллюзій, или слушали его рассказы о прошломъ изъ своей и чужой жизни. Быть можетъ, это исканіе правдивой искренности, чистоты сердца и вѣры въ будущее такъ сближало Тургенева съ дѣтьми, которыхъ онъ очень любилъ, съ которыми умѣлъ особенно ладить и понимать ихъ непосредственную душу. Бывало вечеромъ, дѣти г-жи Віардо, лучшаго друга Тургенева, въ домѣ которой онъ жилъ въ Парижѣ, обступали Ивана Сергѣевича, прося рассказать имъ сказку. Они хорошо знали, что у Ивана Сергѣевича всегда въ запасѣ не мало интересныхъ рассказовъ, — а нѣтъ готовыхъ, ему не долго придумать что нибудь новое и занимательное. Обыкновенно Тургеневъ очень охотно исполнялъ подобную просьбу, и дѣти внимательно прислушивались къ его словамъ. Сказка лилась плавно и мѣрно, по-вре-

намъ прерываясь громкимъ смѣхомъ слушателей; но вдругъ раскащикъ уставалъ, да и сказки-то всѣ истощились. Тутъ ребята мигомъ набрасывались на Тургенева, немилосердно колотили его въ спину своими маленькими кулаками, приговаривая: «думай! ну, думай же скорѣе! думай!» Не забывалъ дѣтей Тургеневъ среди массы всякихъ занятій, находилъ даже время вести съ ними переписку. Вотъ, напримѣръ, что писалъ онъ въ 1882 г. маленькой дочери извѣстнаго современнаго поэта Я. П. Полонскаго, съ семействомъ котораго онъ проводилъ лѣто 1881 г. въ своемъ с. Спасскомъ:

«Какъ я былъ радъ ходить съ тобой, какъ въ прошломъ году, по рошъ, и отыскивать прелестные подберезовики! Съ большимъ удовольствіемъ разсказалъ бы тебѣ сказку и послалъ бы тебѣ главу; но голова моя настоящій пустой боченокъ, изъ котораго вылило все вино, и стоитъ онъ кверху дномъ, такъ что и новое вино въ него набратъся не можетъ... Если же поправлюсь, то напишу тебѣ сказку — именно, о пустомъ боченкѣ».

О добротѣ Тургенева разсказываютъ не мало анекдотовъ. Къ нему обращались за деньгами и письменно, и лично; приходили къ нему и бѣдные литераторы, артисты; нѣкоторые являлись за помощью, «какъ къ дворянину», въ орденахъ — и всѣхъ онъ старался удовлетворить; если же у него самого не было денегъ, онъ ужасно беспокоился, гдѣ нибудь доставалъ ихъ, только бы помочь нуждающемуся. Въ Парижѣ его положительно осаждали всякими денежными просьбами, такъ что не хватило бы никакого состоянія удовлетворить всѣхъ, — и вотъ Тургеневъ ѣздитъ, хлопочетъ — устраиваетъ литературно-музыкальныя утра въ пользу нуждающихся русскихъ, приглашаетъ участвовать различныхъ парижскихъ знаменитостей, читаетъ самъ, и въ концѣ концовъ является кое-какъ обезпеченіе для многихъ бѣдняковъ. Подчасъ добротой Тур-

генева просто злоупотребляли. Разказаль, на примѣръ, кто-то Тургеневу, что въ Парижѣ есть одно бѣдное русское семейство, въ которомъ находится дѣвочка съ замѣчательнымъ голосомъ. Иванъ Сергѣевичъ узнаеть адресъ и отправляется туда. Приѣзжаетъ и видитъ довольно обыкновенную дѣвочку; но Ивану Сергѣевичу уже представляется въ будущемъ изъ этой дѣвочки новая знаменитость. Онъ предлагаетъ родителямъ свои услуги. Тѣ, конечно, съ большимъ удовольствіемъ ихъ принимаютъ. Тургеневъ хлопочеть, ѣздитъ и, наконецъ, устраиваетъ такъ, что дѣвочку принимаютъ въ тамошнюю консерваторію, что очень трудно для иностранокъ. Тургеневъ радъ, доволенъ, счастливъ. Черезъ нѣсколько времени являються родители дѣвочки и почти съ требованіемъ заявляютъ, что дѣвочкѣ ходить въ школу далеко, а у нихъ нѣтъ средствъ на экипажъ. Тургеневъ назначаетъ ежемѣсячную сумму на извозчика. Проходитъ недѣля. У дѣвочки нѣтъ теплаго платья, она можетъ простудиться. Тургеневъ даетъ на теплое платье. Еще недѣля. Квартира, въ которой живетъ дѣвочка, сырая. Тургеневъ даетъ на перемѣну квартиры, и т. д. Вообще, доброта и правдивость были характернѣйшими чертами Тургенева; его отзывчивое сердце искало справедливости во всемъ, даже въ самой неумолимой природѣ, которую онъ такъ глубоко понималъ и чувствовалъ, подмѣчалъ малѣйшіе ея оттѣнки, тончайшія линіи. Но не яркія красоты, не подавляющія эффекты богатой южной природы поражали Ивана Сергѣевича, хотя онъ имѣлъ не мало случаевъ наслаждаться природой Италіи, Швейцаріи, Франціи; нѣтъ, — ему нуженъ былъ сѣренъкій, но слишкомъ близкій его сердцу пейзажъ его родины, гдѣ онъ былъ у себя, отдавался ей всей глубиной любящаго сердца, по своему разумѣлъ ея тончайшіе оттѣнки. Тургеневъ не разъ мѣнялъ свои симпатіи, чутко прислушиваясь къ различнымъ, часто мѣняющимся теченіямъ общественной

жизни, измѣнялъ и свои личные взгляды на нее, но въ сердцѣ его всегда былъ неизмѣнный уголокъ, гдѣ хранился источникъ той богатой, граціозной, чрезвычайно нѣжной и обаятельной поэзіи, которою отмѣчены всѣ его произведенія, которой проникнута вся его даже частная жизнь. И эта живая поэтическая струя росла и крѣпла именно въ той его неизмѣнной любви къ родной природѣ, среди которой онъ отдыхалъ, отрѣшался отъ всего случайнаго и временнаго, искалъ утѣшеній и отвѣтовъ въ самые мучительные моменты своей внутренней жизни. «Подобно миѳологическому Антею,—говоритъ А. В. Дружининъ, близкій другъ и критикъ Тургенева,—непобѣдимому борцу, становившемуся сильнѣе всякій разъ, когда его ноги касались земли, многоплодной его матери — Тургеневъ спасъ всю свою молодую дѣятельность черезъ одну поэтическую точку опоры. Эта точка есть его родная сторона, мѣсто его дѣтства и воспитанія, небольшая полоска одной изъ центральныхъ русскихъ губерній. Для того изъ читателей, кто бывалъ въ этомъ уголку, разъяснятся лучшія стороны Тургеневскаго дарованія, а самыя милыя страницы «Затишья», «Рудина», «Записокъ охотника» засвѣтятся новою прелестью.... «Записки охотника», исполненныя такого тонкаго пониманія русской природы, потому имѣютъ необыкновенную важность во всей дѣятельности Тургенева, что ими опредѣлился широкій путь для повѣствователя; что человекъ, ихъ написавшій, всѣми силами души своей прикрѣпился къ мѣсту ихъ дѣйствія». Эта воспитанная и навѣкъ закрѣпленная связь поэта съ своей родиной была такъ велика, что даже за границей, гдѣ Тургеневу послѣднее время приходилось жить чаще, онъ постоянно видѣлъ передъ собою Россію, свой родной уголокъ, относилъ къ ней всѣ лучшія свои стремленія, постоянно и неизмѣнно служилъ ея интересамъ; Россія была для него всегда священна. Въ сочиненіяхъ своихъ онъ разсказалъ всему читающему

міру объ ея природѣ и жителяхъ со всѣми ихъ своеобразными красотами и сторонами темными, хотя муза поэта скорѣе склонна была подмѣчать свѣтлую радость, сокровенные изгибы чистаго и глубоко-любящаго сердца. «Поэзія Тургенева, говоритъ тотъ же критикъ, — была плодомъ души мягкой и нѣжной, души, глубоко сочувствующей всѣмъ сторонамъ жизни, да сверхъ того развитой самымъ артистическимъ, самымъ блестящимъ, самымъ многостороннимъ образомъ. На зло инымъ поклонникамъ Тургенева, жаждущимъ видѣть въ нашемъ повѣствователѣ сумрачнаго дидактика, мы съ полнымъ знаніемъ дѣла утверждаемъ, что поэзія этого карателя людскихъ слабостей есть поэзія благороднѣйшаго эпикурейца-поэта, любящаго жизнь и созданнаго для наслажденій жизни. Всякій разъ, когда нашъ поэтъ-прозаикъ, увлекаясь всесторонностью своего ума, начинаетъ строить свою лиру на мрачный ладъ — муза его не слушается, улетаетъ отъ него, подаривъ ему самое малое число улыбокъ. Чуть онъ пробуетъ, по довольно неудачному выраженію одного писателя, *любитъ ненавидя*, въ его созданіяхъ происходитъ нѣчто въ родѣ той путаницы, которая гнѣздится въ странномъ выраженіи, сейчасъ нами приведенномъ. Напротивъ того, въ картинахъ нѣжныхъ, успокоительныхъ, меланхолически грустныхъ и даже юношески идеальныхъ — Тургеневъ возвышается такъ, какъ можетъ быть никто изъ современныхъ русскихъ писателей. Тутъ-то и находится вся его сила, тутъ мы можемъ видѣть и осязать ту причину, по которой нашъ авторъ такъ дорогъ читателямъ и читательницамъ. Общество жаждетъ истинной, безпристрастной, свѣжей поэзіи, и всегда кидается на нее съ жадностью. Правда, тоже общество иногда рвется къ поэзіи суровой, совершенно напряженной, практической и памфлетической, но не слѣдуетъ смѣшивать этихъ двухъ стремленій, изъ которыхъ одно длится долго и приводитъ къ просвѣтлѣнію, а другое выгораетъ съ удовле-

твореніемъ потребности и нагоняетъ скуку. Удовлетвореніе перваго изъ этихъ стремленій — вотъ *важнѣйшая* заслуга Тургенева; ловкій расчетъ умнаго человѣка на второе — вотъ основаніе, на которомъ построена *временная* сторона его значенія».

Въ послѣдніе часы своей жизни, когда Тургеневъ изда-деко посылалъ родинѣ свое прощаніе, онъ, по справедливости могъ повторить слова «Лишняго человѣка»: *О, мой садъ, о заросшія дорожки возлѣ мелкаго пруда! О песчанное мѣстечко подлѣ дряхлой плотины, гдѣ я ловилъ пискарей и голыцовой! и вы, высокія березы, съ длинными висячими вѣтвями, изъ за которыхъ, съ проселочной дороги, бывало, неслась унылая пѣсенка мужика, неровно прерываемая толчками телми — я посылаю вамъ мое послѣднее прощаніе!.... Разставаясь съ жизнью, я къ вамъ однимъ простираю мои руки. Я бы хотѣлъ еще разъ подышать горькой свѣжестью польни, сладкимъ запахомъ сжатой гречихи на поляхъ моей родины; я бы хотѣлъ еще разъ услышать издали скромное тяпанье надтреснутаго колокола въ приходской нашей церкви; еще разъ полежать въ прохладной тѣни подлѣ дубовымъ кустомъ на скатѣ знакомаго оврага; еще разъ проводить глазами подвижный слѣдъ вѣтра, темной струей бѣгущаго по золотистой травѣ нашего луга.....*

Здѣсь зародилась и окрѣпла муза Тургенева, отсюда билось его сердце уже и для всѣхъ людей; здѣсь таилась исходная точка всего его міровоззрѣнія, всѣхъ его симпатій, всѣхъ убѣжденій; здѣсь же бралъ начало и тотъ неподобный источникъ его живой поэзіи, которую онъ черпалъ и проливалъ на всѣ свои произведенія, на всѣ сюжеты, быть можетъ, нѣсколько и отдаленные отъ этихъ первоначальныхъ родныхъ картинъ.

II.

Родина Тургенева Орловская губернія. Въ настоящее время въ Орлѣ можно отыскать мѣсто, гдѣ давно когда-то былъ домъ Тургеновыхъ; теперь отъ этой старинной постройки не осталось и слѣда: она давно сторѣла, а на мѣстѣ ея высятся уже новыя зданія. Здѣсь то жилъ полковникъ Сергѣй Николаевичъ Тургеньевъ со своей молодой женой, богатой наследницей многихъ имѣній, Варварой Петровной Лутовиновой; здѣсь же у нихъ родился, 28 октября 1818 г., сынъ Иванъ, будущій знаменитый писатель.

Родъ Тургеновыхъ велъ свое начало еще изъ Золотой Орды, а въ XVII вѣкѣ предки ихъ служили воеводами въ различныхъ городахъ. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія, въ знаменательную эпоху царствованія императора Александра I, выдался какъ замѣчательный политическій дѣятель *родственникъ нашего поэта*, Николай Ивановичъ Тургеньевъ, который, не мало потрудившись для будущаго освобожденія крестьянъ, и такъ же какъ Иванъ Сергѣевичъ, окончилъ свои дни вдали отъ родины, въ окрестностяхъ Парижа, возлѣ Буживаля.

Отецъ поэта, Сергѣй Николаевичъ, служилъ офицеромъ въ кавалерійскомъ полку, гдѣ, развеселая въ то время, военная жизнь помогла ему значительно разстроить свое небольшое имѣніе; но, женившись на Варварѣ Петровнѣ Лутовиновой, онъ сразу поправилъ свои дѣла, взявъ богатое за ней приданое, и между прочимъ — громадное село Спасское-Лутовиново, въ Мценскомъ уѣздѣ Орловской губерніи. Въ этомъ-то Спасскомъ провелъ свое дѣтство Иванъ Сергѣевичъ, вмѣстѣ съ братьями, старшимъ — Николаемъ и младшимъ — Сергѣемъ, окруженный многочисленными няньками, гувернантками и гувернерами, преимущественно иностранцами. Спасское же навѣяло на поэта

впервые тѣ прекрасные образы и впечатлѣнія, которыми мы наслаждаемся, читая его стихотворенія, «Записки Охотника» и другія сочиненія; оно же навсегда связало его съ родиной драгоцѣнными преданіями далекой старины, милыми воспоминаніями дѣтства.

Спасское-Лутовиново лежитъ среди обширной черноземной равнины, изрытой глубокими оврагами, съ холмами, изрѣдка покрытыми листовными лѣсами, въ 12 верстахъ отъ уѣзднаго города Мценска. Когда вы выѣзжаете изъ Мценска, дорога прямо идетъ въ гору, образуемую долиной рѣки Зуши. Чудная картина открывается съ этой высоты. Прямо раскинулся по холмамъ Мценскъ, одинъ изъ древнѣйшихъ красивѣйшихъ городовъ Россіи. Внизу течетъ Зуша; длинной блестящей полосой, какъ змѣя, извивается она по широкимъ заливнымъ лугамъ, теряясь въ изгибахъ своей долины. По этой рѣкѣ когда-то жили древніе вятичи; отдѣлившись отъ прочихъ славянъ, они долгое время вели дикую, независимую жизнь, среди лѣсовъ и овраговъ, не зная ни христіанства, ни власти князей и дружинъ.

Дальше ѣдете по большой дорогѣ, обсаженной ракетами, дающими прохладу среди широкаго необозримаго поля. Минувъ деревню и переправившись черезъ маленькую рѣчку, вы поднимаетесь все въ гору до самаго Спасскаго. А вотъ и Спасское-Лутовиново!

Издали уже виднѣется бѣлая колокольня каменной церкви, тонущей въ густой зелени стариннаго сада. Садъ этотъ кажется какой-то большой рощей, расположенной на плоской возвышенности; онъ по всѣмъ направленіямъ изрѣзанъ то длинными, прямыми, вѣчно тѣнистыми липовыми и березовыми аллеями, то узкими, прихотливо изгибающимися, дорожками, полузакрытыми роскошными кустами. Старыя сосны, ели и могучіе дубы, разбросанные тамъ и сямъ, разнообразятъ общее

впечатлѣніе, а крутой спускъ къ пруду красиво заканчиваетъ картину. Прудъ этотъ, какъ въ послѣдствіи припоминалъ самъ Тургеневъ, изобиловалъ рыбою. «Здѣсь, рассказывалъ онъ, — водились не только караси и пискари, но даже гольцы попадались, знаменитые, нынче совсѣмъ исчезнувшіе. Въ головѣ этого пруда засѣлъ густой лознякъ; дальше вверхъ, по обоимъ бокамъ густаго косогора, шли сплошные кусты орѣшника, бузины, жимолости, терна, поросшіе снизу верескомъ и зорей. Лишь кое гдѣ между кустами выдавались крохотныя полянки съ изумрудно-золотой, шелковистой, тонкой травой, среди которой, забавно пестрѣя своими розовыми, лиловыми, палевыми шапочками, выглядывали приземистыя сыроѣшники и свѣтлыми пятнами загорались шарики «куриной слѣпоты». Тутъ, говоритъ поэтъ, по веснамъ пѣвали соловьи, свистали дрозды, куковали кукушки; тутъ и въ лѣтній зной стояла прохлада — и я любилъ забиваться въ эту глушь и чащу, гдѣ у меня были фаворитныя, постоянныя мѣстечки, извѣстныя, — такъ, по крайней мѣрѣ, я воображалъ! — только мнѣ одному».

Цѣлыя поколѣнія богатыхъ, родовитыхъ помѣщиковъ Лутовиновыхъ пережили этотъ густолиственный садъ, тая въ тѣни своихъ деревьевъ преданія старины; онъ глубоко врѣзался въ памяти юнаго Тургенева и дивными красками отразился потомъ во многихъ твореніяхъ поэта. Иванъ Сергѣевичъ всегда любилъ этотъ садъ. Старикомъ уже пріѣзжая въ Спаское, онъ снова переживалъ здѣсь свое далекое прошлое: живо припоминалось ему его раннее дѣтство, какъ здѣсь же, въ этомъ саду, подъ деревьями, разыгрывались разныя французскія пьесы, кругомъ веселый говоръ массы гостей, съѣхавшихся Богъ знаетъ изъ какихъ отдаленныхъ мѣстъ на зовъ богатаго и радушнаго хозяина, блескъ сотенъ разноцвѣтныхъ фонариковъ и плошекъ, затѣйливо разбросанныхъ среди тем-

ной густой листвы, грохотъ доморощеннаго оркестра музыки, оглашавшей своими аккордами всю окрестность;—все это ярко рисовалось въ пылкомъ воображеніи поэта; передъ нимъ, какъ живые, проходили вереницы знакомыхъ людей. Даже заграницей, и тамъ онъ часто воспоминалъ свой уютный, чудный уголокъ и вѣчно его тянуло:

.....въ деревню, въ темный садъ,
Гдѣ липы такъ огромны, такъ тѣнисты,
Гдѣ ландыши такъ дѣвственно душисты,
Гдѣ круглыя ракиты надъ водой,
Съ плотины наклонялись чередой,
Гдѣ тучный дубъ растетъ надъ тучной нивой,
Гдѣ пахнетъ конопелью да крапивой...

За этимъ стариннымъ садомъ, по холму широко раскинулась барская усадьба, среди которой возвышался неуклюжій, но очень большой, двухэтажный деревянный домъ, съ громадной залой въ два свѣта и со множествомъ другихъ помѣщеній для семьи самаго помѣщика и многочисленной его дворни. Домъ этотъ, какъ и всѣ имѣнія Лутовиновыхъ, принадлежалъ сначала дядѣ Варвары Петровны, Ивану Ивановичу Лутовинову, старому холостяку, самодуру, по своему доброму, но, въ сущности, чрезвычайно жестокому человѣку, котораго Иванъ Сергѣевичъ такъ живо и мѣтко характеризовалъ рассказами своего однодворца Овсянникова.

Старикъ Лутовиновъ жилъ на широкую ногу, какъ настоящій крѣпостникъ-магнатъ, отъ времени до времени собирая у себя человѣкъ по полторасту гостей. Въ то время пировали на славу. По нѣскольку дней продолжались веселые танцы, шумныя попойки, охоты; много и богато ѣли, пили и въ концѣ концовъ гости разъѣзжались, оставляя за собою не мало веселыхъ, а то и грустныхъ, и даже безобразныхъ

воспоминаній. Тогдашніе крѣпостные порядки и значительныя богатства Лутовинова позволяли дѣлать что угодно, и жить беззаботно. Имѣній однихъ у него было до 20, въ Орловской, Курской, Калужской и Тульской губ., а когда онъ умеръ, то одной серебряной посуды оказалось послѣ него пудовъ 60, да 600,000 серебрянныхъ рублей, что, по тогдашнему времени, равнялось нынѣшнему милліону. Определенно трудно сказать, откуда скопились у него всѣ эти богатства, но, прислушиваясь къ правдивой бесѣдѣ старика Овсянникова, можно до нѣкоторой степени понять, что скопить у себя богатства въ то крѣпостное время помѣщику-дворянину было не трудно.

Иванъ Ивановичъ Лутовиновъ былъ одинокъ, и только крайняя необходимость заставила его пріютить у себя гонимую свою племянницу Варвару Петровну. Дѣтство и молодость этой дѣвушки протекли среди самыхъ возмутительныхъ условій семейной обстановки. Мать ея была суровая, черствая и честолюбивая женщина, — та самая старуха помѣщица, которая, въ разсказѣ Тургенева «Смерть», сама заплатила священнику за отходную. По смерти мужа, Петра Ивановича Лутовинова, она вышла замужъ за помѣщика Сомова и сдѣлалась суровой мачихой для своей нелюбимой дочери. Долго несчастная дѣвушка таила горе, безропотно переносила всѣ притѣсненія и побои, но наконецъ не выдержала и рѣшилась бѣжать, что ей вскорѣ и удалось сдѣлать при помощи своей старухи няни. Она укрылась у дяди своего, Ивана Ивановича, который обошелся съ ней всетаки ласковѣе, хотя самъ ея не любилъ и держалъ въ ежовыхъ рукавицахъ, а подъ конецъ даже рѣшилъ выгнать. Безъ средствъ и лишенная всякаго образованія, дѣвушка не смѣла не слушаться дяди и должна была покинуть его домъ, но судьба рѣшила иначе: наканунѣ того дня, когда Иванъ Ивановичъ хотѣлъ ѣхать въ городъ сдѣлать свое завѣщаніе, онъ скоростижно умеръ. Съ этой

минуты Варвара Петровна, — загнанная, некрасивая и приниженная дѣвушка, дѣлается полновластной наслѣдницей всѣхъ этихъ милліоновъ; открыто является во всемъ разнообразіи своихъ душевныхъ качествъ, смѣло беретъ за дѣло, ловко отстаиваетъ свои права на наслѣдство и уже не скрываетъ ни чрезмѣрнаго честолюбія, ни ненависти и презрѣнія къ окружающимъ. Теперь уже ея боятся, ей льстятъ, передъ ней заискиваютъ; но она гордо, надменно смотритъ на все, не щадитъ никого, какъ и ея не щадили, при этомъ тщательно уходить въ себя, упиваясь величіемъ и могуществомъ до мечтательности, до галлюцинацій, воображаетъ себя какой то полновластной царицей, готовой соперничать съ кѣмъ угодно. Чрезвычайное, невозмутимое спокойствіе, подъ которымъ скрывались всякія крайности ея характера, какъ рѣзкая жестокость, такъ и горделивая милостивость, и даже своеобразная любовь, — налагало особенный отпечатокъ оригинальности на всю ея фигуру. Нѣкая г-жа Аргамакова, близко знавшая Варвару Петровну, такъ описываетъ наружность этой, во всякомъ случаѣ, выдающейся и энергичной, хотя совершенно необразованной, женщины.

«Варвара Петровна была некрасива собой, небольшого роста, немного сутуловата, имѣла длинный и вмѣстѣ съ тѣмъ широкій носъ, съ глубокими порами въ кожѣ, отчего онъ казался какъ бы изрытымъ, подъ старость носъ получилъ синеву. Глаза у нея были черные, злые, непріятные, лицо смуглое, волосы черные; она имѣла осанку гордую, надменную, поступь величавую, тяжелую.»

Мужъ ея, Сергѣй Николаевичъ Тургеневъ, былъ полная ей противоположность. Сынъ бѣднаго дворянина, имѣвшаго всего 140 душъ при селѣ Тургеневѣ, онъ поступилъ въ гусарскій полкъ офицеромъ. На видъ весьма красивый и ловкій,

онъ по характеру былъ очень мягокъ и воспріимчивъ, простъ въ обхожденіи; отъ души любилъ повеселиться, собиралъ около себя общество, отдавая всецѣло въ распоряженіе супруги всѣ заботы по дому и по управленію имѣніями. Варвара Петровна была въ домѣ полновластная глава, и самъ Сергѣй Николаевичъ готовъ былъ ей подчиниться.

Странною случайностью объясняетъ г-жа Аргамакова самую женитьбу Тургенева на Варварѣ Петровнѣ. Служа въ гусарскомъ полку ремонтеромъ, случилось разъ Сергѣю Николаевичу приѣхать къ Варварѣ Петровнѣ за покупкой на ея конскомъ заводѣ лошадей. Молодая помѣщица приняла красиваго офицера довольно любезно, причемъ предложила ему даже сыграть въ карты, но съ условіемъ, чтобы тотъ, кто выиграетъ, самъ по своему желанію могъ назначить себѣ выигрышъ. Выигралъ Сергѣй Николаевичъ и, воспользовавшись случаемъ, просилъ ея руки. Она не отказала, и вскорѣ состоялась ихъ свадьба. Сначала молодые супруги прожили нѣкоторое время въ г. Орлѣ, но вскорѣ Сергѣй Николаевичъ вышелъ въ отставку, и они переселились въ Спасское, гдѣ зажили той роскошной и богатой причудъ жизнью, которая такъ ярко характеризована была впоследствии Иваномъ Сергѣевичемъ во всѣхъ почти его произведеніяхъ.

Мигомъ оживился громаднѣйшій барскій домъ, засуетилась многочисленная дворовая челядь, которую Варвара Петровна строго распредѣлила на классы и чины, какъ это дѣлается при дворѣ; такъ, на примѣръ, дворецкій назывался «министромъ двора», и ему была придана фамилія тогдашняго шефа жандармовъ, генерала Бенкендорфа; мальчикъ лѣтъ 14, завѣдывавшій съ нѣсколькими помощниками полученіемъ и отправкою писемъ и газетъ, назывался «министромъ почтъ», и т. д.

Сама гордая правительница показывалась рѣдко, безъ ея величественнаго разрѣшенія никто не смѣлъ съ ней заго-

ворить, — въ противномъ случаѣ, виновному грозило жестокое наказаніе. Является, напримѣръ, къ ней кто нибудь изъ ея «министровъ» съ докладомъ, останавливается подобострастно у дверей и терпѣливо ждетъ разрѣшительнаго жеста повелительницы говорить; если Варвара Петровна минуты съ двѣ знака не подавала, значило, что докладъ она выслушивать теперь не желаетъ, — и «министръ» робко удалялся прочь.

Приходъ почты возвѣщался обыкновенно большимъ колоколомъ, затѣмъ почтальоны съ колокольчиками бѣгали по корридорамъ обширнаго дома, а «министръ почтъ», одѣтый по формѣ, приподносилъ Варварѣ Петровнѣ на серебрянномъ подносѣ газеты и письма, адресованныя на ея имя.

Она даже велѣла сдѣлать себѣ особенныя носилки съ стекляннымъ колпакомъ въ видѣ не то кареты, не то кіоты, такъ какъ ходить на открытомъ воздухѣ она не рѣшалась, боясь свирѣпствовавшей въ то время холерной заразы. Подъ этимъ колпакомъ она садилась въ мягкое кресло, и ее носили по улицамъ особенно приставленные къ этому крѣпостные люди.

Въ такомъ же точно отдаленіи и въ такой же строгой дисциплинѣ держала Варвара Петровна и своихъ сыновей, Николая, Ивана и младшаго — Сергѣя. Для нихъ, какъ это дѣлалось въ то время во всѣхъ зажиточныхъ барскихъ семьяхъ — навимались иностранные гувернеры и гувернантки, и имъ на руки сдавались дѣти, хотя сама Варвара Петровна зорко слѣдила за всей внѣшней стороною воспитанія, и всякая малѣйшая провинность строго наказывалась розгами. Иванъ Сергѣевичъ самъ впоследствии не разъ вспоминалъ, какъ жестоко, бывало, драли его розгами за всякіе пустяки и чуть не каждый день.

— «Да, въ ежевыхъ рукавицахъ держали меня, — говорилъ онъ, — и матери моей я боялся, какъ огня. Разъ только за

обѣдомъ я насмѣшилъ ее. Какъ то завелъ рѣчь о томъ, какъ зовутъ дьявола; никто не могъ сказать, — зовутъ ли его Вельзевуломъ, или Сатаной, или же какъ нибудь иначе.

— Я знаю, какъ зовутъ, сказалъ я — и самъ испугался

— Ну, если знаешь, говори, отозвалась мать.

— Его зовутъ «Мемъ».

— Какъ? повтори, повтори!

— Мемъ.

— Это кто тебѣ сказалъ? откуда ты это выдумалъ?

— Я не выдумалъ, я это слышу каждое воскресенье у обѣдни.

— Какъ такъ у обѣдни?

— А во время обѣдни выходитъ дьяконъ и говоритъ: «вонъ Мемъ!» Я такъ и не зналъ, что онъ выгоняетъ дьявола и что зовутъ его «Мемъ».

— Удивляюсь, прибавляетъ Тургеневъ, — какъ меня за это не высѣкли; но, какъ ребенокъ, я на этотъ разъ былъ совершенно искрененъ — просто не понималъ славянскаго слова «вонмемъ» и толковалъ его по своему. Мать улыбнулась, всѣ стали хохотать, и мое вмѣшательство въ разговоръ старшихъ прошло для меня благополучно.

При такихъ натянутыхъ и неискреннихъ отношеніяхъ къ матери, дѣти росли особнякомъ, подъ наблюденіемъ чуждыхъ имъ, мало образованныхъ и совершенно уже не подготовленныхъ къ дѣлу воспитанія, иностранныхъ выходцевъ, которые въ то время такъ охотно, какъ и все иностранное, принимались въ русскія семьи, гдѣ французскій языкъ становился почти роднымъ. Единственно — что сближало дѣтей съ этими часто несчастными отщепенцами отъ родины, которымъ приходилось покидать все родное, чтобы хотя какъ нибудь найти себѣ пропитаніе, — это угнетенное, приниженное положеніе, которымъ они, наравнѣ со всѣми, пользовались

въ богатомъ помѣщичьемъ домѣ. Сочувствіе къ этимъ несчастнымъ навсегда сохранилось въ сердцѣ Ивана Сергѣевича, и въ сочиненіяхъ его мы встрѣчаемъ, напримѣръ, симпатичный образъ старика Лемма въ «Дворянскомъ гнѣздѣ», или жалкую фигуру Лежени въ «Овсянниковѣ». Подобные малообразованные нѣмцы и французы, конечно, мало могли дать свѣдѣній дѣтямъ, тѣмъ не менѣе рано познакомили своихъ воспитанниковъ съ новыми языками и тѣмъ самымъ значительно помогли Тургеневу въ послѣдствіи, когда онъ занялся своимъ самообразованіемъ и такъ усердно сталъ пополнять скудные школьные знанія путемъ усиленнаго и разнообразнаго чтенія иностранныхъ авторовъ. Тургеневъ часто любилъ вспоминать своихъ иностранныхъ учителей, и зналъ про нихъ не мало анекдотовъ. Вспоминалъ, напримѣръ, онъ гувернера нѣмца, который впервые ознакомилъ его съ нѣмецкой литературой.

«Живо помню, говорилъ онъ,—какъ этотъ чудакъ пріѣхалъ къ намъ съ клѣткою, въ которой сидѣла самая простая, обыкновенная, даже неученая, ворона. Вся многочисленная дворянша наша сбѣжалась посмотрѣть на диковиннаго нѣмца, который возился надъ своей вороной; дворянша недоумѣвала, для чего ее нѣмецъ притащилъ, когда этого добра было не занимать—стать у насъ на дворѣ.

Старикъ дворовый, глядя на его суетню, флегматично замѣтилъ: «ахъ ты фюфлыга», обращаясь, конечно, къ нѣмцу. Нѣмецъ обидѣлся, задумался, а на другой день за завтракомъ или обѣдомъ неожиданно обратился къ отцу и, весьма плохо объясняясь по-русски, заявилъ ему, что онъ имѣетъ спросить его по одному предмету:

— Позвольте у васъ узнать, что значить слово «фюфлыга». Меня вчера назвалъ вашъ человѣкъ этимъ словомъ?

Отецъ, взглянувъ на тутъ же бывшаго двороваго и на меня съ братомъ, догадывался, въ чемъ дѣло, улыбнулся и сказалъ: — Это значитъ живой и любезный господинъ.

Видимо, нѣмецъ не очень то повѣрилъ этому объясненію. «А если бы вамъ сказали — продолжалъ онъ, обращаясь къ отцу моему: ахъ, какой вы фыфлыга! — вы бы не обидѣлись?» — Напротивъ, я принялъ бы это за комплементъ.»

Нѣмецъ этотъ былъ чрезвычайно чувствителенъ. Начнетъ читать ученикамъ что нибудь изъ Шиллера и всегда съ первыхъ же словъ расплачется. Впрочемъ, жилъ онъ у Тургеневыхъ не долго. Скоро узнали, что онъ не болѣе, какъ сѣдельникъ, никакой педагогической подготовки до пріѣзда къ нимъ не имѣлъ, — и его уволили.

Трудно сказать, какъ впервые Тургеневъ ознакомился съ русской грамотой, но, вообще, въ ихъ семьѣ на литературу и поэзію не обращали никакого вниманія, а стихи, особенно русскіе, считались за нѣчто непристойное и даже пошлое. Мать Тургенева больше всего гордилась тѣмъ, что сыновья ея богатые наслѣдники родовыхъ милліоновъ, мечтали только повыгоднѣе ихъ оженить и слишкомъ, конечно, далека была отъ мысли видѣть своего сына русскимъ литераторомъ. Съ литературой, вообще, она была очень мало знакома, а правдивыхъ и простыхъ Пушкинскихъ стиховъ совершенно не признавала, да и самый то русскій языкъ, которымъ говорили рабы — крѣпостные, былъ въ то время въ большомъ загонѣ и совершенно уже не шель къ лицу напыщеннымъ и чваннымъ магнатамъ помѣщикамъ, говорившимъ преимущественно по французски. Забавно рассказывалъ Иванъ Сергѣевичъ свою первую встрѣчу съ русскимъ литераторомъ.

Разъ шестилѣтнимъ мальчуганомъ былъ онъ представленъ одному почтенному старцу. Ему предварительно объяснили,

что это писатель—Иванъ Ивановичъ Дмитріевъ, и даже велѣли продекламировать одну изъ его басенъ.

— Но каковъ же былъ ужасъ моей матушки и всѣхъ окружающихъ, рассказывалъ Тургеневъ, — когда я этому достопочтенному старцу прямо въ глаза такъ и брякнулъ;

— «Твои басни хороши, но Ивана Андреевича Крылова гораздо лучше».

Эта выходка не прошла даромъ для мальчика, — мать его больно за это высѣкла.

Но трудно, конечно, было уже совершенно удалить дѣтей, отъ современной имъ родной дѣйствительности. Жизнь, родная народная поэзія находили для себя достойныхъ истолкователей въ лицѣ нянекъ, дворовыхъ, которые знакомили дѣтей обыкновенно и съ роднымъ эпосомъ, а иногда и вообще съ русской словесностью, помимо желанія и всякихъ ожиданій самихъ родителей. — Вспомнимъ симпатичный образъ любимой няни Пушкина Арины Родіоновны, которая впервые навѣяла на поэта своими рассказами чудные образы русскаго народнаго эпоса. Точно также сохранился величавый образъ того двороваго человѣка, который впервые ознакомилъ Тургенева съ російскою словесностью и который впоследствии былъ такъ ярко и съ такимъ чувствомъ обрисованъ Иваномъ Сергѣевичемъ въ рассказѣ «Пунинъ и Бабуринъ».

«Невозможно передать чувства, говоритъ Тургеневъ, — которое я испытывалъ, когда, улучшивъ удобную минуту, дворовый этотъ внезапно, словно сказочный пустынный, или добрый духъ, появлялся передо мною съ увѣсистой книгой подъ мышкой, и, украдкой кивая длиннымъ кривымъ пальцемъ, и таинственно подмигивая, указывалъ головой, бровями, плечими, вѣзмъ тѣломъ на глубь и глушь сада, куда никто не могъ проникнуть за нами и идти невозможно было насъ отыскать. И вотъ, удалось намъ уйти незамѣченными: вотъ, мы

благополучно достигли одного из наших тайных мѣстечек; вотъ мы сидимъ уже рядомъ, вотъ уже и книга медленно раскрывается, издавая рѣзкій, для меня тогда неизъяснимо-пріятный запахъ плѣсени и старья! Съ какимъ трепетомъ, съ какимъ волненіемъ неотступнаго ожиданія лягу я въ лицо, въ губы ему—въ эти губы, изъ которыхъ вотъ-вотъ полетѣтъ сладостная рѣчь! Раздаются наконецъ первые звуки чтенія! Все вокругъ исчезаетъ... нѣтъ не исчезаетъ, а становится далекимъ, заволакивается дымкой, оставляя за собою лишь впечатлѣніе чего-то дружелюбнаго и покровительственнаго! Эти деревья, эти зеленые листья, эти высокіе травы, заслоняютъ, укрываютъ насъ отъ всего остальнаго міра, никто не знаетъ, идѣ мы, что мы — а съ нами поэзія, мы проникаемся ею, у насъ происходитъ важное, великое, тайное дѣло»...

Чтець Тургенева придерживался преимущественно стиховъ «звонкихъ», «многошумныхъ». Онъ не читалъ, а выкрикивалъ ихъ торжественно, заливчато, закатисто, въ носъ, какъ ошьянѣлый, какъ иступленный. При этомъ онъ имѣлъ еще совершенно своеобразную привычку читать: сперва прожужжить стихъ тихо, въ полголоса, какъ бы бормоча,—это онъ называлъ читать «на-черно»;—потомъ уже грянетъ тотъ же самый стихъ «на-бѣло», и вдругъ вскочить, подниметъ руки—не то молитвенно, не то повелительно.—Такимъ образомъ вдвоемъ они прочли не только Ломоносова, Сумарокова и Кантемира, но даже одолѣли и «Россіаду» Хераскова, и послѣдняя то почему-то наиболѣе восхитила Тургенева.

Въ 1822 году, когда Ивану Сергѣевичу было всего только четыре года, семейство Тургеневыхъ предприняло большое путешествіе по Европѣ. Говорятъ, Сергѣй Николаевичъ нарочно подбилъ жену свою на эту поѣздку, чтобы придать ей нѣсколько лоску и пожить весело въ Парижѣ. Подобныя путешествія въ то время, когда еще не было желѣзныхъ дорогъ,

обусловливались большими трудностями: снаряжался цѣлый транспортъ всякихъ подводъ и экипажей, которые длинной вереницей тянулись по большимъ дорогамъ, отъ одного города до другаго, прерываясь по-временамъ большими остановками. Такимъ образомъ Тургеневымъ удалось довольно разнообразно пожить въ Парижѣ, о которомъ Варвара Николаевна до самой старости любила вспоминать; побывать въ различныхъ промышленныхъ центрахъ Германіи, Швейцаріи и Италіи, отправляя въ свое Спасское цѣлые транспорты со всякими накупленными за-границей вещами домашней роскоши и туалета.

Но путешестіе это едва не стоило жизни Ивану Сергѣевичу: въ Берлинѣ, осматривая звѣринецъ, онъ чуть было не свалился въ яму къ медвѣдямъ, и только, благодаря отцу, которому удалось во-время схватить неосторожного сына, чудомъ остался живъ. На этомъ же четвертомъ году его опять поджидала на дорогѣ почти неминуемая смерть: Иванъ Сергѣевичъ такъ отчаянно заболѣлъ, что, какъ самъ рассказывалъ, съ него приходили снимать мѣрку для гроба.

Съ возвращеніемъ изъ-за-границы, жизнь Тургеневыхъ снова потекла обычной чередой. А какъ жилось въ этихъ «дворянскихъ гнѣздахъ» — лучше всѣхъ рассказалъ самъ же писатель. Читателямъ «Муму», «Трехъ портретовъ», «Однoдворца Овсянникова» и другихъ рассказовъ, вѣроятно, живо рисуются и люди, и жизнь начала нынѣшняго столѣтія, въ которой пришлось расти, крѣпнуть и слагать свои убѣжденія будущему великому писателю. Этотъ періодъ дѣтства, до поступления поэта въ школу, быть можетъ, былъ самый рѣшительный и рѣзкій моментъ въ его жизни: здѣсь залагались зачатки того великаго человѣка, о которомъ Ренанъ, знаменитый французскій современный философъ, справедливо могъ сказать: «въ немъ все примиряется: партіи самыя враждебныя

сходятся, чтобы сообща восхвалять его и восхищаться имъ. Въ той области, куда онъ переноситъ насъ, слова, раздражительныя для обыденнаго міра, теряютъ свой ядъ. Геній совершаетъ въ одинъ день то, надъ чѣмъ работаютъ цѣлыя вѣка. Онъ создаетъ атмосферу высшаго міра, гдѣ и тѣ, кто были противниками, въ концѣ концовъ находятъ, что они были сотрудниками; онъ открываетъ эру великаго всепрощенія, гдѣ враждовавшіе между собою на аренѣ прогресса успокоиваются рядомъ, подавъ другъ другу руки». Всѣ сочиненія и вся дальнѣйшая жизнь Тургенева были краснорѣчивымъ доказательствомъ этой мысли.

Домашнее воспитаніе юноши шло кое-какъ подъ руководствомъ иностранныхъ наставниковъ, но для этого необыкновеннаго ребенка сама мрачная и неприглядная жизнь была наилучшей школой. Онъ жадно и пытливо искалъ всюду справедливости; а окружающая жизнь ежедневно наталкивала его на сотни тяжелыхъ сценъ грубаго произвола, — и съ этого времени сердце его стало принадлежать тѣмъ милліонамъ ни въ чемъ неповинныхъ, приниженныхъ людей, которыхъ онъ съ такою любовью и съ такимъ знаніемъ рисовалъ въ своихъ сочиненіяхъ. Но въ это время онъ не видѣлъ еще передъ собою всѣхъ этихъ милліоновъ; — зналъ только немногихъ, быть можетъ, нѣкоторыхъ, изъ своихъ крѣпостныхъ, которыхъ украдкой, но горячо любилъ, какъ близкихъ друзей, отъ коихъ услышалъ первое искреннее человѣческое слово, — и эти люди были въ неволѣ, подъ суровымъ гнетомъ крѣпостнаго права. А что можетъ быть больнѣе, какъ видѣть горе и униженіе любимаго человѣка и въ то же время чувствовать свое безсиліе помочь ему! Вотъ тутъ-то зародилась въ немъ та непримиримая ненависть къ врагу, который въ глазахъ его имѣлъ свой опредѣленный образъ, носилъ известное имя: «врагъ этотъ, говорилъ онъ, — былъ крѣпостное

право. Подъ этимъ именемъ я собралъ и сосредоточилъ все, противъ чего я рѣшился бороться до конца,—съ чѣмъ я поклялся никогда не примириться... Это была моя Аннибаловская клятва; и не я одинъ далъ ее себѣ тогда»...

Къ этому еще можно прибавить одно обстоятельство, которому самъ Тургеневъ придавалъ большое значеніе, какъ натолкнувшему его впоследствии на мысль писать Записки Охотника. Старшій братъ его, Николай, знавшій уже хорошо по-англійски, любилъ читать и переводить нѣкоторыя мѣста изъ «Ирландскихъ очерковъ и рассказовъ» англійской писательницы миссъ Эджвортъ. Ихъ простота и глубокое уваженіе къ маленькимъ, бѣднымъ людямъ поражала Ивана Сергѣевича, освѣщала ему родную дѣйствительность и помогла потомъ найти подходящую форму для деревенскихъ наблюденій.

Между тѣмъ, настало то время, когда Тургеневу пришлось покидать «дворянское гнѣздо» и ѣхать въ Москву учиться. Мальчика заботливо снарядили всеѣмъ необходимымъ; мать, въ душѣ безумно любившая сына, рѣшилась однако съ нимъ разстаться, и его свезли въ пансіонъ Вейденгаммера; но скоро, впрочемъ, его отсюда взяли и поселили пансіонеромъ къ г. Краузе, директору Лазаревского армянскаго института, гдѣ на 15 году Тургеневъ хорошо освоился съ англійскимъ языкомъ, а по остальнымъ предметамъ старательно готовился къ вступительному университетскому экзамену.

Объ этомъ періодѣ пансіонской жизни Тургенева извѣстно пока очень немногое, но самъ Иванъ Сергѣевичъ съ наибольшей благодарностью вспоминалъ, изъ своихъ пансіонскихъ наставниковъ, П. Н. Погорѣлова, профессора математики; И. П. Ключникова, преподавателя исторіи и Д. Н. Дубенскаго, читавшаго русскую словесность. Последній, довольно извѣстный въ то время ученый старого

закала, основательно знакомилъ дѣтей съ литературой, воспитывая ихъ преимущественно на сочиненіяхъ Карамзина, Жуковскаго и Батюшкова, но Пушкина, какъ писателя въ то время совершенно еще новаго и для многихъ непонятнаго, сильно недолюбливалъ. Вообще же, въ пансіонѣ съ дѣтьми обращались довольно ласково, и поэтъ съ большимъ чувствомъ вспоминалъ одного своего наставника, который бывало бралъ его къ себѣ на колѣни и живо рассказывалъ ученикамъ эпизоды изъ только что вышедшаго въ то время романа М. Н. Загоскина «Юрій Милославскій». Мальчикъ съ пожирающимъ вниманіемъ слушалъ рассказъ наставника и могъ, почти отъ слова до слова, повторить слышанное, тѣмъ болѣе, что самого автора романа зналъ хорошо, такъ какъ Загоскинъ былъ близкимъ пріятелемъ его отца.

Съ наступленіемъ осени 1834 г. приближалось для Тургенева время вступительныхъ экзаменовъ въ Московскомъ университетѣ. На экзаменъ явилось, сравнительно, очень много лицъ, и профессора были строги въ своихъ требованіяхъ, такъ что изъ 167 экзаменовавшихся принято было всего 25, въ число коихъ попалъ и Иванъ Тургеневъ. Но въ этомъ университетѣ Ивану Сергѣевичу пробыть пришлось не долго. Отецъ вообще былъ человѣкъ болѣзненный, и послѣдніе десять лѣтъ особенно были для него тяжелы. Варвара Петровна всегда безпокоилась за мужа, но всѣ душевныя страданія тщательно скрывала отъ окружающихъ и по своему объясняла свои невзгоды. Теперь непрерывную, мучительную болѣзнь мужа она приписывала тому, что свадьба ихъ случилась въ пятницу — тяжелый день. Тѣмъ не менѣе, Сергѣй Николаевичъ все хирѣлъ, хирѣлъ, и въ октябрѣ 1834 года скончался, такъ что Ивану Сергѣевичу, при самомъ почти началѣ лекцій, пришлось уѣхать въ деревню.

Вскорѣ всѣ обстоятельства значительно измѣнились. Вар-

вара Петровна, потрясенная смертью мужа, не захотѣла оставаться въ деревнѣ, и, забравъ всю многочисленную челядь, поселилась въ Москвѣ, Ивану же Сергѣевичу представилась возможность перейти въ Петербургскій университетъ, и уже въ 1835 г. мы видимъ его здѣсь на лекціяхъ Фишера, Куторги, Шульгина, Устрялова, Плетнева, Греффе.

Въ то время русская наука переживала очень тяжелую эпоху, и въ Петербургскомъ университетѣ того времени трудно указать хотя одно имя, которое пользовалось бы въ наукѣ значительной извѣстностью. Лекціи обыкновенно читались профессорами по какому нибудь русскому или иностранному учебнику, изъ котораго составлялись жиденькіе конспекты; все это зазубривалось студентами наизусть, и этого было совершенно достаточно. Вообще же, студенты мало интересовались наукой, о которой по своимъ лекціямъ могли имѣть только очень смутное представленіе, вели жизнь больше разсѣянную, свѣтскую, играли въ карты, да удивлялись учености Греффе, подъ руководствомъ котораго изучали «Одиссею» Гомера да оды Горація, хотя плохо владѣли латинской и греческой грамматикой, такъ что, на примѣръ, Тургеневу, когда онъ кончилъ уже курсъ кандидатомъ въ Петербургѣ и уѣхалъ въ университетъ Берлинскій, пришлось за-ново приниматься за латынь и греческій языкъ. Имѣлъ вліяніе на студентовъ П. А. Плетневъ, профессоръ русской словесности, не отличавшійся хотя большими свѣдѣніями, но искренно и горячо любившій свой предметъ. «Онъ обладалъ, говоритъ Тургеневъ въ своихъ воспоминаніяхъ,—нѣсколько робкимъ, но чистымъ и тонкимъ вкусомъ и говорилъ просто, ясно, не безъ теплоты. Главное: онъ умѣлъ сообщать своимъ слушателямъ тѣ симпатіи, которыми самъ былъ исполненъ — умѣлъ заинтересовать ихъ... Притомъ его — какъ человѣка, прикосновеннаго къ знаменитой литературной плеядѣ, какъ друга Пушкина,

Жуковского, Баратынского, Гоголя, какъ лицо, которому Пушкинъ посвятилъ своего Онѣгина,—оказалъ въ нашихъ глазахъ ореолъ. Всѣ мы наизусть знали стихи: «Не мысля гордый свѣтъ забавить», и т. д. И дѣйствительно: Петръ Александровичъ походилъ на нортретъ, набросанный поэтомъ: это не былъ обычный комплиментъ, которымъ такъ часто украшаются посвященія. Кто изучилъ Плетнева, не могъ не признать въ немъ

Души прекрасной,

Святой исполненной мечты,

Поэзіи живой и ясной,

Высокихъ думъ и красоты.

Онъ принадлежалъ къ эпохѣ нынѣ безвозвратно прошедшей: это былъ наставникъ стараго времени, словесникъ, не ученый, но по своему — мудрый».

Съ студентами Плетневъ былъ очень близокъ и простъ въ обхожденіи: они ему охотно приносили на просмотръ свои первыя произведенія и, надо отдать справедливость, Плетневъ довольно чутко умѣлъ отличить талантливую вещь. На третьемъ курсѣ Тургеневъ тоже рѣшился обратиться къ Плетневу съ своей фантастической стихотворной драмой «Стенію», и профессоръ радушно принялъ это юное и слабое произведеніе молодаго автора, а на слѣдующей лекціи подробно разобралъ его, со свойственнымъ ему благодушіемъ и не называя автора. Тѣмъ не менѣе, выходя изъ зданія университета, онъ, подзававъ къ себѣ Тургенева, отечески пожурилъ его, причемъ замѣтилъ, что въ немъ *что-то есть*. Этимъ Плетневъ все таки настолько ободрилъ юношу, что на слѣдующій разъ онъ уже рѣшился показать профессору нѣсколько своихъ стихотвореній, которыя оказались гораздо лучше драмы, и два изъ нихъ Плетневъ помѣстилъ въ тог-

дашнемъ журналѣ «Современникъ», основанномъ Пушкинымъ не за долго до своей смерти, гдѣ участвовали въ то время Жуковскій, князь Вяземскій, самъ Плетневъ и др. Въ этомъ то журналѣ, въ 1837 году, скромно появилось безъ имени два стихотворенія;—первое изъ нихъ, «Старый Дубъ», начиналось такъ:

Маститый царь лѣсовъ кудрявой головою,
Склонился старый дубъ надъ сонной гладью водь...

Это и было первое произведеніе, которымъ началъ Тургеневъ свою литературную каріеру, и появленіе его въ печати какъ разъ совпало съ тѣмъ памятнымъ для нашей литературы моментомъ, когда такъ безвременно сошелъ въ могилу одинъ изъ самыхъ могучихъ ея дѣятелей, поэтъ Пушкинъ, успѣвшій уже своимъ богатымъ стихомъ пробудить въ обществѣ «добрыя чувства».

Характеризуя въ своихъ воспоминаніяхъ литературное теченіе—того времени, Тургеневъ говоритъ: «подъ вліяніемъ особенныхъ случайностей, особенныхъ обстоятельствъ тогдашней жизни Европы (съ 1830 по 1840 годъ) у насъ понемногу сложилось убѣжденіе, конечно, справедливое, но въ ту эпоху едва ли не рановременное: — убѣжденіе въ томъ, что мы не только великій народъ, но что мы — великое, вполне овладѣвшее собою, незыблемо-твердое государство, и что художеству, что поэзіи предстоитъ быть достойными провозвѣстниками этого величія и этой силы.... Явилась цѣлая фаланга людей, безспорно, даровитыхъ, но на даровитости которыхъ лежалъ общій отпечатокъ внѣшности, соотвѣтствующей той великой, но чисто-внѣшней силѣ, которой они служили отголоскомъ. Люди эти явились и въ поэзіи, и въ живописи, и въ журналистикѣ, и даже на театральныхъ подмосткахъ» (Марлинскій, Кукольникъ, Загоскинъ, Бенедиктовъ, Брюловъ,

Каратыгинъ и друг.). «Это вторженіе въ общественную жизнь того, что мы рѣшили бы назвать *ложно-величавой школой* продолжалось недолго.... Произведенія этой школы, проникнутыя самоувѣренностью, доходившей до самохвальства, посвященныя возвеличенію Россіи во что бы то нистало, — въ самой сущности не имѣли ничего русскаго: это были какія-то пространныя декораціи, хлопотливо и небрежно воздвигнутыя патриотами, не знавшими своей родины». Конечно, для борьбы съ этими призраками не требовалось особенной подавляющей силы, но на ихъ сторонѣ былъ большій просторъ дѣятельности, количественное превосходство; тутъ-то, подъ вліяніемъ Пушкина, выдвигаются съ особенной энергіей три новыхъ литературныхъ силы, передъ которыми трудно было устоять всему ложному, напускному, не имѣющему подъ собой твердой основы жизненной правды: съ одной стороны является лиризмъ Байрона въ лицѣ поэта Лермонтова, который своимъ желѣзнымъ стихомъ, «облитымъ горечью и злостью», беспощадно караетъ всякую фальшь, все напускное; съ другой — смѣхъ Гоголя, съ такой силой вызвавшего наружу «всю страшную, потрясающую тину мелочей, опутавшихъ нашу жизнь, всю глубину холодныхъ, раздробленныхъ, повседневныхъ характеровъ, которыми кишитъ наша земная, подъ-часъ горькая и скучная дорога», и «озарившаго громадно-несущуюся жизнь сквозь видный міру смѣхъ и незримыя, невѣдомыя ему слезы»; наконецъ, раздается мощный и увѣренный голосъ критики, которая, съ появленіемъ въ 1834 году статьи «Литературныя мечтанія» Бѣлинскаго, нашла себѣ твердую почву въ области исторіи и общественной жизни. Такимъ образомъ Тургеневъ выступилъ на литературное поприще въ моментъ самаго разцвѣта богатой талантливими силами эпохи «сороковыхъ годовъ». Большинство стихотвореній Пушкина уже было напечатано, и, время отъ времени, въ «Современникѣ» появля-

лись его посмертныя произведенія; Гоголь уже успѣлъ написать «Ревизора», «Старосвѣтскихъ помѣщиковъ», «Тараса Бульбу», «Шинель» и друг. и, покинувъ Россію на цѣлые 12 лѣтъ, вдали больной работалъ надъ «Мертвыми душами». Все образованное общество зачитывалось дивными созданіями Лермонтова и наизусть заучивались его горячіе стихи «На смерть Пушкина»; къ этому же времени Жуковскій подарилъ литературу большинствомъ лучшихъ стиховъ своей «свѣтло-лучезарной» поэзіи, а Кольцовъ написалъ уже и «Косаря», и «Лѣсъ», и «Раздумье селянина», и «Урожай», и многія другія пѣсни.—Трудно было при такихъ условіяхъ и самому обществу оставаться равнодушнымъ къ такому сильному и могучему голосу литературы, не задуматься серьезно надъ современной жизнью, которая, хотя украдкой, но съ такой правдой и рельефностью свозила во всякомъ почти новомъ, нарождавшемся произведеніи; къ тому же и событія тогдашней европейской жизни слагались такъ своеобразно и рѣдко, что пропустить ихъ мимо глазъ не было никакой возможности.

«Образованный русскій міръ, говоритъ въ своихъ воспоминаніяхъ П. В. Анненковъ, одинъ изъ современниковъ и друзей Тургенева, какъ бы впервые очнулся къ 30-мъ годамъ, какъ будто внезапно почувствовалъ невозможность жить въ томъ растерянномъ умственномъ и нравственномъ положеніи, въ какомъ оставался дотолѣ. Общество уже не слушало приглашеній отдаться просто теченію событій и молча плыть за нимъ, не спрашивая, куда несетъ его вѣтеръ. Всѣ люди, маломальски пробужденные къ мысли, принялись около этого времени искать, съ жаромъ и алчностью голодныхъ умовъ, основъ для сознательнаго и разумнаго существованія на Руси. Само собою разумѣется, что съ первыхъ же шаговъ они приведены были къ необходимости, прежде всего, добратся до внутренняго смысла русской исторіи, до яснаго

возрѣнія на старыя учрежденія, управлявшія нѣкогда политической и домашнею жизнью народа и до правильнаго пониманія новыхъ учрежденій, замѣнившихъ прежде бывшія». Эта шумная эпоха исканія новыхъ общественныхъ идеаловъ, извѣстная подъ общимъ именемъ «эпохи сороковыхъ годовъ», полна самой лихорадочной умственной дѣятельности, ожесточенныхъ споровъ, рѣзкой журнальной полемики, своеобразныхъ радостей по вычитанной идеѣ, по открытію новаго фактора въ духовной жизни, по приобрѣтенію новаго горизонта для мысли.

Казалось, сама исторія, намѣтившая для Россіи два столичныхъ центра, тѣмъ самымъ указала два противоположныхъ пункта, съ которыхъ должны были вспыхнуть всѣ эти споры и исканія общественныхъ основъ и идеаловъ. Все общество распалось на два враждебныхъ лагеря. Одни — «москвичи», «славяне» или «славянофилы», съ особеннымъ азартомъ отстаивали сначала все безъ исключенія русское, давая всѣмъ пришлымъ элементамъ, за исключеніемъ византійскаго, самое ничтожное значеніе въ развитіи государства, смотрѣли подъ-часъ на нихъ, какъ на несчастіе, помѣшавшее народу выразить всю свою сущность, доходили при этомъ до крайностей въ идеализаціи этого народа, превознося его чрезмѣрное смиреніе, кротость, мудрость; утверждали даже, что земля русская удобрялась для исторіи, не какъ земля западныхъ народовъ, кровью населеніи, а только слезами ихъ. Съ этой стороны выдвинулся цѣлый рядъ талантливыхъ вожаковъ мысли, какъ К. Аксаковъ, Кирѣевскій, Хомяковъ, которые съ большимъ умѣніемъ отстаивали свои идеи національности въ тогдашнемъ журналѣ «Москвитянинъ». Въ свою очередь, зло и съ большимъ знаніемъ дѣла имъ отвѣчала петербургская партія «западниковъ», органомъ которыхъ, съ 1840 года, сдѣлались «Отечественныя Записки», гдѣ въ то время

начали писать Бѣлинскій, Грановскій. Эти, напротивъ,—вліянію постороннихъ, пришлыхъ, національностей отводили значительное мѣсто въ образованіи всего московскаго государства, въ опредѣленіи хода всей его исторіи, при этомъ въ своей рѣзкой проповѣди общечеловѣческаго развитія, законы котораго одинаковы, какъ они утверждали, для всѣхъ странъ, доходили иногда до отрицанія всякихъ народныхъ отличій. Живою споръ этотъ, положилъ рѣзкую печать раздѣленія на двѣ партіи не только на всю тогдашнюю журналистику, но даже и на все читающее общество. Нужно было видѣть тотъ восторгъ, то яркое пробужденіе общества, когда въ 1843 году молодой и талантливый историкъ Грановскій выступилъ со своими замѣчательными публичными лекціями. «Я еще засталъ, вспоминаетъ объ этомъ П. В. Анненковъ,—ученое и, такъ сказать, междусословное торжество, происходившее въ Москвѣ по случаю первыхъ публичныхъ лекцій Грановскаго, собравшаго около себя не только людей науки, всѣ литературныя партіи и обычныхъ, восторженныхъ своихъ слушателей — молодежь университета; но и весь *образованный* классъ города — отъ стариковъ, только что покинувшихъ ломберные столы, до дѣвицъ, еще не отдохнувшихъ, послѣ подвиговъ на паркетѣ и отъ губернскихъ чиновниковъ до неслужащихъ дворянъ... «Большинство слушателей понимало его хорошо, такъ поняло оно и лекцію о Карлѣ Великомъ, на которую я и попалъ. Образъ возстановителя цивилизаціи въ Европѣ былъ въ одно время и художественнымъ произведеніемъ мастерской кисти, подкрѣпленной громадною, переработанной начитанностью и указаніемъ на настоящую роль всего могущества и величества на землѣ. Когда, въ заключеніе своихъ лекцій, профессоръ обратился прямо отъ себя къ публикѣ, напоминая ей, какой необъятный долгъ благодарности лежитъ на насъ по отношенію къ Европѣ, отъ которой мы даромъ получили блага

цивилизациі и человѣческаго существованія, доставшіяся ей путемъ кровавыхъ трудовъ и горькихъ опытовъ, — голосъ его покрылся взрывомъ рукоплесканій, раздавшихся со всѣхъ концовъ и точекъ аудиторій». Такой успѣхъ оратора, смѣло заявившаго свое сочувствіе къ Европѣ, не могъ, конечно, пройти безслѣдно;—явилась даже мысль устроить обѣдъ, гдѣ должно было состояться примиреніе двухъ враждующихъ лагерей, западниковъ и славянофиловъ. Обѣдъ этотъ удался, какъ нельзя лучше:—собрались почти всѣ выдающіеся корифеи двухъ этихъ противоположныхъ ученій. Константинъ Аксаковъ произнесъ здѣсь съ необыкновеннымъ паѳосомъ свои стихи къ Москвѣ:

Столица древняя, родная,
Тебя-ль не вѣдаетъ страна?
Тебя-ль назвать — и Русь святая
Съ тобою вмѣстѣ названа и т. д.

Много тутъ говорилось и шилось тостовъ за Петербургъ и за Москву, которая, по выраженію славянофиловъ, «поминала ежедневно на переключкѣ всѣ русскіе города»; западники горячо отстаивали свои убѣжденія, тѣмъ не менѣе это внѣшнее примиреніе состоялось не надолго. Грановскій самъ рассказывалъ характерный случай съ К. Аксаковымъ, который пріѣхалъ разъ къ нему ночью, разбудилъ его, бросился къ нему на шею и—объяснилъ, крѣпко обнимая его, что ему, Аксакову, нужно исполнить одну изъ самыхъ тяжелыхъ и горестныхъ своихъ обязанностей,—разорвать съ нимъ связи и проститься, какъ съ потеряннымъ другомъ, не смотря на всю любовь и уваженіе, которыя онъ питаетъ лично къ своему другу. Напрасно Грановскій убѣждалъ его посмотреть на дѣло хладнокровнѣе, — Аксаковъ остался непреклоненъ и уѣхалъ глубоко взволнованный и въ слезахъ.

Въ самый разгаръ всего этого умственнаго движенія

пришлось выступить Тургеневу въ литературѣ, и онъ самъ съ особеннымъ чувствомъ рассказывалъ, какъ впервые попалась ему статья Бѣлинскаго, гдѣ критикъ съ такою силой и убѣжденіемъ, наперекоръ всѣмъ увлеченіямъ общества, блестяще доказывалъ ничтожность любимыхъ въ то время стиховъ Бенедиктова. «И я, признавался Тургеневъ,—не хуже другихъ, упивался этими стихотвореніями, зналъ много наизусть, восторгался «Утесомъ», «Горами» и даже «Матильдой» на жеребцѣ, гордившейся «усѣстомъ красивымъ и плотнымъ». Вотъ въ одно утро зашелъ ко мнѣ студентъ-товарищъ и съ негодованіемъ сообщилъ мнѣ, что въ кондитерской Беранжэ появился № «Телескопа» съ статьей Бѣлинскаго, въ которой этотъ «критиканъ» осмѣливался заносить руку на нашъ общій идолъ, на Бенедиктова. Я немедленно отправился къ Беранжэ, прочелъ всю статью отъ доски до доски — и, разумѣется, также воспыпалъ негодованіемъ. Но, странное дѣло! и во время чтенія, и послѣ, къ собственному моему изумленію и даже досадѣ, что-то во мнѣ невольно соглашалось съ «критиканомъ», находило его доводы убѣдительными... неотразимыми. Я стыдился этого, ужъ точно неожиданнаго впечатлѣнія; я старался заглушить въ себѣ этотъ внутренній голосъ; въ кругу пріятелей я съ большей еще рѣзкостью отзывался о самомъ Бѣлинскомъ и объ его статьѣ... но въ глубинѣ души что-то продолжало шептать мнѣ, что *онъ былъ правъ*... Прошло нѣсколько времени — и я уже не читалъ Бенедиктова». «Кому же неизвѣстно теперь,—замѣчаетъ поэтъ,—что мнѣнія, высказанныя тогда Бѣлинскимъ, мнѣнія, казавшіяся дерзкой новизной — стали всѣми принятымъ общимъ мѣстомъ». Таково было первое впечатлѣніе на Тургенева отъ статей Бѣлинскаго, лично же онъ познакомился съ критикомъ нѣсколько позже, и скоро сталъ его близкимъ другомъ. Вообще же, съ тогдашнимъ Петербургскимъ литературнымъ

кружкомъ Тургеневъ сталъ сближаться къ домѣ Плетнева, гдѣ часто бывалъ еще третьекурснымъ студентомъ. Здѣсь онъ познакомился съ многими литераторами, которые теперь уже забыты, но которые въ то время пользовались большою извѣстностью; здѣсь же встрѣтился онъ съ поэтомъ-прасоломъ Кольцовымъ, отличавшимся всегда въ большомъ обществѣ застѣнчивостью и грустной задумчивостью; у Плетнева же мелькомъ видѣлъ и Пушкина, передъ которымъ онъ такъ благоговѣлъ и считалъ чѣмъ-то «въ родѣ полубога». Въ другой разъ Тургеневъ встрѣтился съ Пушкинымъ уже за нѣсколько дней до роковой смерти послѣдняго, гдѣ-то на утреннемъ концертѣ. «Онъ стоялъ у дверей,—говорить Тургеневъ,—опираясь на косякъ, и, скрестивъ руки на широкой груди, съ недовольнымъ видомъ посматривалъ кругомъ. Помню его смуглое, небольшое лицо, африканскія губы, оскаль бѣлыхъ, крупныхъ зубовъ, висячія бакенбарды, темные желтые глаза подъ высокимъ лбомъ, почти безъ бровей, и кудрявые волосы».

Въ 1838 г. Тургеневъ кончилъ курсъ въ Петербургскомъ университетѣ со степенью кандидата. Тяжелое раздумье овладѣвало почти всякимъ, окончившимъ курсъ въ тогдашнемъ университетѣ. Оглянувшись назадъ, онъ съ одной стороны, видѣлъ передъ собою мрачную картину крѣпостнаго права, съ другой — полную свою неподготовленность, отсутствіе основательнаго образованія, достаточныхъ свѣдѣній, чтобы выступить въ жизнь. Поэтому и Тургеневъ не могъ считать свое образованіе законченнымъ, и рѣшилъ, какъ и многіе другіе молодые люди, за границей пополнить свои знанія, «окунуться», какъ выразился онъ, въ «Нѣмецкое море», которое должно было возродить, очистить его. Онъ избралъ Берлинскій университетъ, славившійся лекціями философіи и исторіи.

Въ это время мать его, Варвара Петровна, переселилась

въ Петербургъ, наняла большое помѣщеніе, жила довольно открыто и менѣе всего хотѣла разставаться со своимъ единственнымъ сыномъ Иваномъ, такъ какъ младшій, Сергѣй, уже умеръ, а со старшимъ, Николаемъ, она разсорилась изъ-за его женитьбы, вопреки ея желаніямъ. Тѣмъ не менѣе, Тургеневу удалось кое-какъ склонить мать на свою сторону, и скоро назначенъ былъ день отъѣзда. Долго и заботливо снаряжала Варвара Петровна сына въ дальній путь; приставила къ нему самаго довѣреннаго своего слугу, Порфирія Тимофѣевича Карташева, который за границей былъ почти другомъ Тургенева, слушалъ вмѣстѣ съ нимъ лекціи въ университетѣ, а впослѣдствіи сдѣлался хорошимъ врачомъ, не смотря на то, что Варвара Петровна ни за что не хотѣла дать ему «вольной». Передъ отъѣздомъ отслужили напутственный молебень въ Казанскомъ соборѣ; Варвара Петровна въ слезахъ проводила сына до любекскаго парохода «Николай I», а сама уѣхала въ деревню, въ свое Спасское. Это заграничное путешествіе опять чуть не стоило жизни молодому писателю: у самаго уже Любека на пароходѣ вспыхнулъ пожаръ и, только благодаря близости берега, пассажирамъ кое-какъ удалось спастись въ лодкахъ. Случай этотъ живо описанъ поэтомъ въ посмертномъ разсказѣ «Пожаръ на морѣ».

Жизнь въ Берлинѣ, *европейскомъ* городѣ, значительно отличалась отъ всего того, что до сихъ поръ Тургеневъ видѣлъ въ Россіи. Въ университетѣ онъ нашель серьезные научные курсы и съ жадностью принялся за изученіе философіи, подъ руководствомъ извѣстнаго Вердера, и за древнихъ классиковъ; тутъ же онъ сблизился съ кружкомъ русскихъ, съ Станкевичемъ, — этимъ задушевнѣйшимъ и умнымъ человекомъ, который такъ заботливо помогъ Кольцову про-
звѣтъ талантъ, съ историкомъ Грановскимъ, Анненковымъ.

Кружокъ этотъ значительно ожилъ, когда въ Берлинъ пріѣхала семья Фроловыхъ. Здѣсь молодые люди находили отдыхъ въ кругу лучшихъ людей того времени и были обласканы пріятнымъ и умнымъ обхожденіемъ хозяйки — Елисаветы Павловны Фроловой. Въ Берлинѣ Тургеневъ поселился вмѣстѣ съ однимъ своимъ товарищемъ, русскимъ, большимъ знаткомъ философіи, человекомъ чрезвычайно восторженнымъ и энергичнымъ, который имѣлъ на Тургенева вліяніе, относился къ нему, какъ воспитатель, и строго слѣдилъ за его нравственностью. Къ тому же, не смотря на свои 21—22 года, Тургеневъ былъ еще совсѣмъ ребенокъ. Изучая замысловатыхъ философовъ, онъ со своимъ дядькой, Карташевымъ, воспитывалъ собаку, съ которой у нихъ было не мало возни; охотился съ ней на крысъ, а тамъ опять принимался за стараго классика или философа. Иногда же онъ предпринималъ поѣздки въ Швейцарію, или, запасшись блузой, ранцемъ да палкой, захвативъ съ собою подробную карту, пускался въ горы пѣшкомъ.

III.

Прослушавъ въ Берлинѣ серіозный курсъ исторіи, литературы, а главное—философіи, отъ которой тогдашняя русская молодежь такъ увѣренно ждала рѣшенія многихъ безпокоившихъ ее вопросовъ родной жизни,—Тургеневъ возвратился въ Россію тѣмъ восторженнымъ молодымъ буршемъ, котораго Пушкинъ такъ живо обрисовалъ въ своемъ Ленскомъ:

Онъ изъ Германіи туманной
 Принесъ учености плоды,
 Вольнолюбивыя мечты,
 Духъ пылкій и довольно странный,
 Всегда восторженную рѣчь.....

Не трудно было угадать, что такой человек скорее прикинется к той литературной партии, которая черпала свои идеалы на западѣ и слѣдила съ такимъ напряженнымъ вниманіемъ за всѣми перемѣнами западно-европейской жизни. Этого было уже достаточно, чтобы Тургеневъ сразу очутился въ самомъ центрѣ ожесточенной борьбы между западниками и славянофилами, а выступивъ въ 1843 г. со своей поэмой «Параша», поэтъ еще точнѣе опредѣлился во взглядахъ. враждовавшихъ литературныхъ лагерей. «Заподозрѣвъ въ немъ съ первыхъ же шаговъ истаго западника, — говоритъ П. В. Анненковъ, — партія, недружелюбно смотрѣвшая на образцы чуждаго воспитанія и развитія, словно задалась мыслью — собрать какъ можно болѣе помѣхъ на его жизненномъ пути. Цѣлая коллекція пустыхъ анекдотовъ о его словахъ, выраженіяхъ, замѣчаніяхъ, собиралась тщательно противниками и пускалась въ ходъ съ нужными прикрасами и дополненіями. — О произведеніяхъ Тургенева до «Записокъ Охотника» — иначе и не говорили, какъ о чудовищностяхъ западнаго развитія, пересаженныхъ безъ всякихъ признаковъ таланта. Не такъ думалъ Бѣлинскій, открывшій сразу въ «Парашѣ» признаки недюжинной авторской наблюдательности и способности выбирать оригинальную точку зрѣнія на предметы: «что мнѣ за дѣло до всѣхъ анекдотовъ о немъ, — говорилъ Бѣлинскій: — кто написалъ «Парашу», тотъ сумѣетъ поправить себя, въ чемъ будетъ нужно, и когда будетъ нужно».

Между тѣмъ самъ Тургеневъ жилъ въ это время у матери въ Спасскомъ, въ новомъ уже домѣ, такъ какъ старыя дѣдовскія хоромы нѣсколько лѣтъ сгорѣли почти до тла; страстно предавался онъ своему любимому развлеченію — охотѣ и съ нетерпѣніемъ ждалъ отзыва Бѣлинскаго о «Парашѣ». Варвара Петровна чрезвычайно была рада возвращенію любимаго сына; во всемъ ему угождала, по глазамъ уга-

дывала желанія, заказывала къ обѣду его любимыя кушанья, посылала во флигель, гдѣ онъ тогда помѣстился, громадныя банки съ вареньемъ, которое чрезвычайно быстро уничтожалось Иваномъ Сергѣевичемъ вмѣстѣ съ деревенскими мальчишками; она даже какъ-то стала мягче и обходительнѣе относиться къ окружающимъ, слушала со вниманіемъ чтеніе сына, хотя «Параша» въ Спасскомъ не произвела особеннаго эффекта. Вообще же, литературное поприще Варвара Петровна считала чѣмъ то унизительно. «Я постичь не могу,—убѣждала она сына,—какая тебѣ охота быть писателемъ? Дворянское-ли это дѣло?... Писатель! что такое писатель? По моему, писатель и писецъ—одно и то же. И тотъ, и другой за деньги бумагу мараютъ... Дворянинъ долженъ служить и составить себѣ карьеру и имя службой, а не бумагомараньемъ. Да и кто же читаетъ русскія книги?»

— Но вѣдь ты же сама любила и уважала Жуковского,—оспаривала ее Тургеневъ.

— Ахъ, это совсѣмъ другое — Жуковскій! — какъ было не уважать его — ты знаешь, какъ близокъ онъ былъ ко двору.

Вскорѣ однако, получили въ Спасскомъ майскую книжку «Отечественныхъ Записокъ», и Тургеневъ съ трепетомъ и неописаннымъ восторгомъ прочелъ слѣдующія строки критической статьи Вѣлинскаго, мнѣніе котораго считалъ рѣшительнымъ своимъ приговоромъ.

«Небольшая книжка, писалъ критикъ,—на дняхъ появившаяся, подъ скромнымъ названіемъ «разказа въ стихахъ», есть одинъ изъ прекрасныхъ сновъ на минуту проснувшейся русской поэзіи. Увѣренные въ глубокомъ снѣ русской нашей поэзіи, мы взяли за «Парашу» съ явнымъ предубѣжденіемъ, думая найти въ ней—или сантиментальную повѣсть о томъ, какъ онъ любилъ ее, или какъ она вышла замужъ за него,

или какую нибудь юмористическую болтовню о современныхъ нравахъ, написанную призраческими стихами. Каково же было наше удивленіе, когда, вмѣсто этого, прочли мы поэму, не только написанную прекрасными поэтическими стихами, но и проникнутую глубокою идеею, полнотою внутренняго содержанія, отличающуюся юморомъ и ироніей... Стихъ,—продолжаетъ критикъ,—обнаруживаетъ необыкновенный поэтический талантъ; а вѣрная наблюдательность, глубокая мысль, выхваченная изъ тайника русской жизни, изящная и тонкая иронія, подъ которою скрывается столько чувства,—все это показываетъ въ авторѣ, кромѣ дара творчества, сына нашего времени, носящаго въ груди своей всѣ скорби и вопросы его. Объ оригинальности мы не говоримъ: она тоже,—что талантъ—по крайней мѣрѣ, безъ нея нѣтъ таланта. Многие найдутъ въ поэмѣ слѣды подражанія Пушкину, и особенно, Лермонтову: это не удивительно, ибо живая историческая послѣдовательность литературныхъ явленій всегда смѣшивается толпою съ холодной и бездушнѣйшей подражательностью. Но люди мыслящіе понимаютъ, что быть подъ неизбѣжнымъ вліяніемъ великихъ мастеровъ родной литературы, проявляя въ своихъ произведеніяхъ упроченное ими литературѣ и обществу, и рабски подражать—совсѣмъ не одно и тоже: первое есть доказательство таланта; жизненно развивающагося, второе—безталантности». На основаніи этого небольшого но, можно сказать,—перваго серіознаго произведенія Тургенева, Бѣлинскій такъ опредѣлилъ талантъ молодаго поэта: «Есть два рода поэзіи,—говоритъ онъ,—одна, какъ талантъ, происходитъ отъ раздражительности нервовъ и живости воображенія; она отличается тѣмъ блескомъ, яркостью красокъ, тою рѣзкою угловатостью формъ, которыя мечутся въ глаза, толпѣ и увлекаютъ ея вниманіе. Чѣмъ болѣе, повидимому, заключаетъ въ себѣ такая поэзія, тѣмъ пустѣе она внутри самой

себя, ибо она вся въ воображеніи и ничего общаго съ дѣйствительностью не имѣеть, мысли ея похожи на громкія слова и звучныя фразы, а картины ея похожи только до тѣхъ поръ, пока смотришь на нихъ: отведите глаза, и въ вашемъ воображеніи не останется никакого образа, никакого созерцанія, никакого представленія. Другая поэзія, какъ талантъ, имѣеть своимъ источникомъ глубокое чувство дѣйствительности, сердечную симпатію ко всему живому, а потому ея чувства всегда истины, ея мысли всегда оригинальны, даже и не будучи новыми, ибо онѣ не пойманы извнѣ и налету, а возникли и выросли въ душѣ поэта. Произведенія такой поэзіи не бросаются въ глаза, но требуютъ, чтобы въ нихъ вглядывались, — и только внимательному взору открывается во всей глубинѣ своей ихъ простая, тихая и цѣломудренная красота. Печать оригинальности составляетъ ихъ неразлучную принадлежность; она есть слѣдствіе способности схватывать сущность, а слѣдовательно и особенность каждаго предмета. И потому описанія ея запечатлѣны достовѣрностью, такъ что, если бы вы и никогда не видывали описываемаго предмета, вы, тѣмъ не менѣе, убѣждены, что онъ точно таковъ, и другимъ быть не можетъ. Разбираемая нами поэма можетъ служить образцомъ такихъ произведеній.» Если этотъ восторженный отзывъ критика, на основаніи одной только «Параши», этого еще невыдержаннаго и во многомъ навѣяннаго произведенія, и былъ нѣсколько преждевремененъ, тѣмъ не менѣе Бѣлинскій чуткимъ умомъ угадалъ въ авторѣ крупный талантъ, хотя и говорилъ впоследствии, что «муза Тургенева не обѣщаетъ намъ новой эпохи поэтической дѣятельности, новой, великой школы искусства;

Но пораженъ бываетъ мелкій свѣтъ

Ея лица не общимъ выраженьемъ.

Бѣлинскій былъ подкупленъ въ «Парашѣ» рядомъ чудныхъ поэтическихъ описаній природы, которую всегда такъ оригинально чувствовалъ поэтъ и такъ мастерски изображалъ ее въ своихъ произведеніяхъ. Какъ могъ онъ пройти молчаніемъ, напримѣръ, такую живую и поэтическую картину жаркаго дня:

Томительно глубокой синевою
 Все небо пышетъ; какъ больной въ недугѣ,
 Земля горитъ и сохнетъ: подъ скалою
 Сверкаетъ море блескомъ нестерпимымъ —
 И движется, и дышетъ, и молчитъ...
 И всё цвѣта подъ тѣмъ неумолимымъ,
 Могучимъ солнцемъ рдѣютъ... дивный видъ!
 А, вотъ, зарывшись весь въ песокъ блестящій,
 Рыбакъ лежитъ, и каждый проходящій
 Любуется имъ съ завистью—я самъ
 Имъ любовался по часамъ.

Такія описанія природы смѣняются въ поэмѣ живой поэтической рѣчью разсказа, въ родѣ слѣдующей прекрасной аллегоріи, выясняющей отношеніе автора къ своей Парашѣ, смахивающей нѣсколько на Пушкинскую Татьяну. Параша тихо уснула,

у окошка

Она сидитъ на креслахъ; головой
 Склонилась на подушку; съ плечъ немножко
 Спустилася косынка... золотой
 И легкій локонъ вьется боязливо
 По блѣдному лицу... а на губахъ
 Улыбка расцвѣтаетъ молчаливо.
 Луна глядитъ въ окно... невольный страхъ
 Меня томитъ; мнѣ слышится: надъ спящей

Какъ колокольчикъ звонкій и дрожащій

Раздался смѣхъ... и кто то говорить...

И голосокъ насмѣшливо звенить:

«Въ теплый вечеръ, въ ульяхъ чистыхъ

«Зрѣютъ свѣтлые соты;

«Въ теплый вечеръ, липъ душистыхъ

«Раскрываются цвѣты;

«И когда по нимъ слезами

«Потечетъ прозрачный медъ —

«Вьется жадно надъ цвѣтами

«Пчель ликующій народъ...

«Наклоня сладострастно

«Свой усталый стебелекъ,

«Гостя милаго напрасно

«Ни одинъ не ждетъ цвѣтокъ.

«Такъ и ты цвѣла стыдливо,

«И въ тебѣ, дитя мое,

«Созрѣвало прихотливо

«Сердце страстное твое...

«И теперь въ красѣ расцвѣта,

«Обаянія полна,

«Ты стоишь надъ солнцемъ лѣта,

«Одинока и полна.

«Такъ склонись же, стебель стройный,

«Такъ раскройся жъ, мой цвѣтокъ;

«Прилетѣлъ женихъ... достойный...

«Въ твой забытый уголокъ!»

Но, не смотря на то, что Тургеневъ почти десять лѣтъ преимущественно писалъ стихи и за свои первоначальные стихотворные опыты такъ радушно былъ встрѣченъ критикой, — впоследствии онъ тщательно игнорировалъ эти, часто

чрезвычайно поэтическія, свои произведенія, и не любилъ даже вспоминать о нихъ. «Я чувствую положительную, чуть не физическую, антипатію къ моимъ стихотвореніямъ,—писалъ онъ въ одномъ письмѣ,—и не только не имѣю ни одного экземпляра моихъ поэмъ—но дорого бы далъ, чтобы ихъ вовсе не существовало на свѣтѣ».

Очевидно, весь этотъ десятилѣтній періодъ поэтической дѣятельности, — періодъ повѣстей: «Андрей Колосовъ», «Три портрета», «Бреттеръ»; поэмъ: «Параша», «Разговоръ», «Андрей», и многихъ оригинальныхъ и переводныхъ стихотвореній, въ ряду послѣдовательности развитія его таланта—былъ для поэта мучительной эпохой исканія оригинальности, рядомъ постоянныхъ переходовъ отъ одной литературной формы къ другой, отъ легкихъ стихотворныхъ вариаций до драматическихъ попытокъ, въ родѣ «драматическаго очерка» изъ испанской жизни—«Неосторожность», или сценъ изъ петербургской жизни—«Безденежье»; но уже всѣ десять стихотвореній, напечатанныхъ въ «Современникѣ» 1847 года, подъ общимъ заглавіемъ «Деревня», по темамъ могли бы предсказать въ Тургеневѣ автора «Записокъ Охотника». Какъ истинный самородокъ, Тургеневъ не могъ не чувствовать въ себѣ оригинальной силы, не могъ удовлетворить себя произведеніями этого періода; къ тому же и Бѣлинскій, послѣ перваго привѣтствія, охладѣлъ къ автору «Параша». «Не могъ же онъ поощрять меня,—писалъ Тургеневъ,—въ сочиненіи тѣхъ стихотвореній и поэмъ, которымъ я тогда предавался. Впрочемъ, я скоро догадался самъ, что не представляло никакой надобности продолжать подобныя упражненія,—и возымѣлъ твердое намѣреніе вовсе оставить литературу; только вслѣдствіе просьбы И. И. Панаева, неимѣвшаго чѣмъ наполнить отдѣлъ Смѣси въ 1-мъ номерѣ «Современника», я оставилъ ему (уѣзжая

въ концѣ 1846 г. изъ Петербурга) очеркъ, озаглавленный «Хоръ и Калинычъ» (слова «Изъ записокъ Охотника» были придуманы и прибавлены тѣмъ же И. И. Панаевымъ съ цѣлью расположить читателя къ снисхожденію). Успѣхъ этого очерка побудилъ меня написать другіе, и я возвратился къ литературѣ. Теперь только Тургеневъ съ увѣренностью могъ сказать, что онъ «нашелъ себя», а громадный успѣхъ «Записокъ», сразу поставившій его на первое мѣсто среди цѣлой плеяды нашихъ беллетристовъ сороковыхъ и пятидесятихъ годовъ, блистательно подтвердилъ слова Некрасова:

«Кому судьба вѣнецъ готовить,

Того вопросъ:—куда идти?—

Не утратить, не остановить».

Тѣмъ не менѣе весь этотъ періодъ лихорадочнаго «исканія себя» отразился въ душѣ поэта цѣлымъ рядомъ неутомимой, тяжелой внутренней ломки, безпокойныхъ и неожиданныхъ поворотовъ въ сторону отъ предпринятаго дѣла, чѣмъ его навлекалъ на себя не мало нареканій и удивленій отъ близкихъ своихъ друзей. П. В. Анненковъ, пріятель поэта, вспоминая Тургенева въ эти молодые годы, говоритъ: «онъ не могъ останавливаться долго на одномъ рѣшеніи и на одномъ чувствѣ изъ опасенія замѣшкаться и упустить самую жизнь, которая бѣжитъ мимо и никого не ждетъ. Имъ овладѣлъ родъ нервнаго безпокойства, когда приходилось только издали прислушиваться къ ея шуму. Онъ постоянно рвался къ разнымъ центрамъ, гдѣ она наиболѣе кипитъ, и стораеть жаждой ошупать возможно большее количество характеровъ и типовъ, ея порожденныхъ, каковы бы они ни были. Не мало жертвъ принесъ онъ этому влеченію своей природы, становясь иногда рядомъ съ довольно ничтожными личностями, по своимъ стремленіямъ, и продолжая съ ними подолгу

одинаковый путь, точно онъ былъ его собственный или особенно излюбленный имъ. Независимость всѣхъ движеній Тургенева, свободные переходы его отъ одного стана къ другому, противоположному, отъ одного круга идей въ другому, ему враждебному, а также и радикальныя перемены въ образѣ жизни, въ выборѣ занятій и интересовъ, поочередно приковывавшихъ къ себѣ его вниманіе, были загадкою для его строгихъ друзей и составили ему, въ средѣ ихъ, незаслуженную репутацію легкомыслія и слабохарактерности». Конечно, трудно было постороннему человѣку предугадать въ этихъ своеобразныхъ порывахъ даровитой натуры, подъ часъ и предосудительныхъ съ точки зрѣнія логики обыденныхъ общественныхъ условій, а въ особенности съ точки зрѣнія отдѣльныхъ кружковыхъ мнѣній того времени, къ которымъ Тургеневъ относился, повидимому, совершенно одинаково, вездѣ отыскивая свою долю справедливости;— тотъ естественный путь, который такъ необходимъ былъ для будущаго поэта *дѣйствительности*. Вотъ отчего намъ кажутся справедливыми слова П. В. Анненкова, который всю литературную дѣятельность Тургенева опредѣлилъ, какъ «длинный, подробно и поэтически объясненный *реестръ идеаловъ, какіе ходили по русской землѣ, между разнообразными слоями ея образованнаго и полуобразованнаго населенія, посреди обычной обстановки жизни и суровыхъ условій существованія, въ которыхъ она вращалась*».

Всѣ эти многоразличные идеалы были понятны Тургеневу, потому что всѣхъ ихъ онъ поочередно пережилъ, умѣлъ ими проникнуться, сумѣлъ, наконецъ, возвыситься до зенита высшей справедливости, которая никогда не позволяла поэту въ своихъ произведеніяхъ впадать въ фальшь, придавать героямъ временную или случайную окраску. Онъ проводилъ передъ нами живыхъ людей во всей ихъ сущности,

со всѣми ихъ добрыми и злыми началами, и это превосходство его чрезвычайно рѣзко бросается въ глаза, при сравненіи «Записокъ Охотника» съ нѣкоторыми стихотвореніями, на примѣръ, Некрасова, вызванными тѣми же мотивами печальной крѣпостной жизни. Вотъ отчего произведенія Тургенева стали интересны и понятны всему образованному міру, такъ что, на примѣръ, старикъ Гизо, знаменитый французскій историкъ, прочитавъ «Гамлета Щигровскаго уѣзда» Тургенева, увидѣлъ въ этомъ рассказѣ глубокой психической анализъ обще-человѣческаго явленія; а другой знаменитый французъ, Ренанъ, называлъ миссію Тургенева вполне умиротворяющей. «Онъ былъ, — говоритъ Ренанъ, — какъ Богъ въ книгѣ Іова «творящій миръ на высяхъ». «То, что у другихъ производило разладъ, у него становилось основой гармоніи. Въ его широкой груди примирались противорѣчія; проклятія и ненависть обезоруживались волшебнымъ обаяніемъ его искусства».

Въ своей домашней, личной жизни въ эти десять лѣтъ пришлось пережить Тургеневу тоже не мало самыхъ различныхъ и неожиданныхъ перемѣнъ. Съ всегдашней своей мягкостью и податливостью, онъ, тотчасъ же почти по пріѣздѣ изъ-за-границы, уступая желаніямъ матери, опредѣлился на службу въ Канцелярію Министра внутреннихъ дѣлъ, гдѣ служилъ вмѣстѣ съ извѣстнымъ авторомъ народныхъ рассказовъ, Владиміромъ Ивановичемъ Далемъ. На службу онъ являлся очень аккуратно, а лѣто проводилъ на дачѣ въ Павловскѣ, отсиживая время въ канцеляріи, и тутъ же написалъ «Парашу». Вскорѣ, однако, дѣла его значительно измѣнились: рѣшительная размолвка съ матерью поставила Тургенева въ чрезвычайно затруднительное денежное положеніе, такъ какъ ему пришлось окончательно отказаться отъ всякой матеріальной поддержки со стороны матери. Трудно опредѣленно сказать, что собственно была при-

чиной такого разногласія между матерью и сыномъ. Существуетъ, однако, анекдотъ, что разъ, когда пришло извѣстіе о прїѣздѣ Тургенева въ Спасское, Варвара Петровна распорядилась устроить ему особенную встрѣчу. Она велѣла всѣмъ дворовымъ людямъ и сѣннымъ дѣвушкамъ выстроиться у подѣзда и на балконѣ барскаго дома, а по дорогѣ разставила верховыхъ, которые обязаны были извѣстить о прибытіи молодаго барина. Едва только Иванъ Сергѣевичъ вѣхала во дворъ, какъ раздалось троекратное «ура! Иванъ Сергѣевичъ!» Тургеневъ, возмущенный этою нелѣпою торжественностью прїема, велѣлъ кучеру повернуть назадъ и возвратился обратно. Такая выходка, конечно, должна была привести въ крайнее негодованіе гордую и самолюбивую мать. Для Тургенева, привыкшаго жить всегда въ довольствѣ и роскоши, настало время критическое; ему, не знавшему еще срочной работы изъ-за насущнаго хлѣба, пришлось усиленно писать въ журналахъ, къ тому же и службу онъ къ этому времени, кажется, оставилъ; дѣло доходило до того, что, истощивъ всѣ свои наличныя деньги, онъ положительно голодалъ. Онъ заходилъ въ трактиръ, гдѣ обѣдали его друзья; забавлялъ ихъ своими разсказами, а самъ уничтожалъ хлѣбъ. Скоро, однако, денежные дѣла Тургенева значительно поправились, а результатомъ этихъ критическихъ обстоятельствъ впослѣдствіи явилась піеска «Безденежье», гдѣ выведенъ молодой человѣкъ, осаждаемый назойливыми посѣщеніями кредиторовъ.

Въ 1843 году, т. е. вскорѣ послѣ появленія въ свѣтъ «Параши», — Тургеневъ сблизился съ Бѣлинскимъ, который въ это время писалъ въ «Отечественныхъ Запискахъ», издаваемыхъ г. Краевскимъ. Сближеніе это совпало съ тѣмъ нравственнымъ ^{пер.}переворотомъ въ жизни знаменитаго критика, когда онъ наново переживалъ цѣлый рядъ мучившихъ его философскихъ вопросовъ, не получившихъ еще основательнаго разрѣ-

шенія, или рѣшенныхъ односторонне. Тургеневъ, какъ нельзя болѣе кстати, появился въ это время въ небольшомъ петербургскомъ кружкѣ Бѣлинскаго; послѣдній сразу подмѣтилъ въ поэтѣ серіозный и свѣтлый умъ, большую начитанность, а главное — глубокое знаніе философіи и европейской науки. Вскорѣ между ними завязалась самая теплая и искренняя дружба. «Бывало, какъ только я приду къ нему,—говорить Тургеневъ,—онъ, исхудалый, больной (съ нимъ сдѣлалось тогда воспаленіе въ легкихъ и чуть не унесло его въ могилу), тотчасъ вставалъ съ дивана и едва слышнымъ голосомъ, безпрестанно кашляя, съ пульсомъ, бившимъ сто разъ въ минуту, съ неровнымъ румянцемъ на щекахъ, начнетъ прерванную наканунѣ бесѣду. Искренность его дѣйствовала на меня, его огонь сообщался и мнѣ, важность предмета меня увлекала; но, поговоривъ часа два, три, я ослабѣвалъ, легкомысліе молодости брало свое, мнѣ хотѣлось отдохнуть, я думалъ о прогулкѣ, объ обѣдѣ, сама жена Бѣлинскаго умоляла мужа и меня, хотя немножко погодить, хотя на время прервать эти пренія, напоминала ему предписаніе врача... но съ Бѣлинскимъ сладить было не легко.—«Мы не рѣшили еще вопроса о существованіи Бога,—сказалъ онъ мнѣ однажды съ горькимъ упрекомъ,—а вы хотите ѣсть!»... Сознаюсь,—продолжаетъ Тургеневъ,—что написавъ эти слова, я чуть не вычеркнулъ ихъ при мысли, что они могутъ возбудить улыбку на лицахъ иныхъ изъ моихъ читателей... Но не пришло бы въ голову смѣяться тому, кто самъ бы слышалъ, какъ Бѣлинскій произнесъ эти слова... Лишь добившись удовлетворившаго его въ это время результата, Бѣлинскій успокоился и, отложивъ размышленія о тѣхъ капитальныхъ вопросахъ, возвратился къ ежедневнымъ трудамъ и занятіямъ». Этотъ постоянный живой обмѣнъ мыслей, присутствіе энергичной и богатой природы Бѣлинскаго чрезвычайно благотворно дѣйствовали на Тургенева.

Въ продолженіи четырехъ зимъ, съ 1843 по 1846 годъ, друзья почти не разставались, и только въ концѣ 1846 года обстоятельства заставили Тургенева на время переселиться въ Берлинъ.

Около этого времени на сценѣ петербургской оперы появилась замѣчательная драматическая пѣвица Полина Віардо-Гарсія, имѣвшая громаднѣйшій успѣхъ среди русской публики. Тургеневъ вскорѣ познакомился съ артисткой, и самая теплая дружба навсегда связала его съ г-жей Віардо и ея мужемъ, художественнымъ критикомъ, Луа Вардо. На обратномъ пути изъ Петербурга въ Парижъ, артистка играла нѣсколько мѣсяцевъ въ Берлинѣ, куда переселился и Тургеневъ; здѣсь-то онъ и получилъ извѣстіе о тяжелой болѣзни Бѣлинскаго, которому доктора велѣли ѣхать на воды Зальцбрунна, въ Силезію. Тургеневъ тотчасъ-же поспѣшилъ на встрѣчу своему другу, плохо знавшему нѣмецкій языкъ и никогда до тѣхъ поръ непокидавшему своей родины, принялъ его въ Штетинѣ подъ свое покровительство, и поселился вмѣстѣ съ нимъ въ Оберъ-Зальцбруннѣ, въ чистомъ деревянномъ домикѣ съ уютнымъ дворомъ, на одной изъ главныхъ, хотя не особенно чистыхъ улицъ этого, въ то время бѣднаго городка. Бѣлинскаго уже трудно было узнать: тяжелая легочная болѣзнь, недавняя смерть сына, все это окончательно подломило кипучую и энергичную натуру знаменитаго критика; онъ нѣсколько оживился свиданіемъ съ Тургеневымъ, пилъ усердно воды и зорко слѣдилъ за всѣмъ, что творилось въ то время въ Россіи и за границей.

Между тѣмъ Тургеневъ всѣми средствами старался скрасить однообразную жизнь въ нѣмецкомъ городкѣ: когда истощался запасъ всякихъ новостей, и горячіе споры друзей приходили къ концу, онъ принимался за продолженіе «Записокъ Охотника», и здѣсь, въ Зальцбруннѣ написалъ «Бурмистра», чрезвычайно понравившагося Бѣлинскому. Къ этому времени первый очеркъ

«Записокъ Охотника», «Хорь и Калинычъ», напечатанный, какъ мы видѣли, въ первомъ № возобновленнаго въ то время «Современника», успѣлъ сдѣлать свое дѣло. Публика зачитывалась этими чудными очерками и проникалась сознаниемъ окружающѣй дѣйствительности — тяжелой судьбою крѣпостной нашей деревни. Но, странно, Бѣлинскій сумѣвшій отличить въ первыхъ штрихахъ Тургеневскаго пера, серіозную, выдающуюся литературную силу, довольно равнодушно встрѣчалъ новые очерки Тургенева, хотя при жизни его напечатано до четырнадцати рассказовъ изъ «Записокъ Охотника». Была-ли тому причиной тяжелая, постоянно возрастающая болѣзнь критика, или быть можетъ близкое знакомство съ Тургеневымъ мѣшало Бѣлинскому подмѣтить въ «Запискахъ» то оригинальное литературное явленіе, которое впоследствии такъ старательно выдвигалось на видъ и русской и иностранной критикой, — только Бѣлинскаго гораздо сильнѣе поразилъ появившійся въ то же время рассказъ Д. В. Григоровича, «Антонъ Горемыка», вещь несравненно менѣе художественная, но за то рѣзче бросившаяся въ глаза читающей публики и съ большей страстностью, а вмѣстѣ съ тѣмъ и односторонностью нападавшая на тогдашняго общаго врага, крѣпостное право. «Ни одна русская повѣсть не производила на меня, — писалъ Бѣлинскій по поводу произведенія г. Григоровича, — такого страшнаго, гнетущаго, мучительнаго, удручающаго впечатлѣнія: читая ее, мнѣ казалось, что я въ конюшнѣ; гдѣ благонамѣренный помѣщикъ поретъ и истязуетъ цѣлую вотчину — законное наслѣдіе его благородныхъ предковъ»; и въ то же почти время, въ частномъ письмѣ къ Тургеневу онъ такъ высказывался по поводу его послѣднихъ вещей: «Вашъ Каратаевъ хорошъ, хотя и далеко ниже «Хоря и Калиныча»... Мнѣ кажется, у васъ чисто-творческаго таланта или нѣтъ — или очень мало — и вашъ та-

лантъ однороденъ съ Далемъ. Это вашъ настоящій родъ. А «Хоръ» общаетъ въ васъ замѣчательнаго писателя въ будущемъ». По поводу другихъ разсказовъ Тургенева, Бѣлинскій говоритъ въ своемъ письмѣ къ г. Анненкову еще холоднѣе: «Съ чего вы это, батюшка,—пишетъ онъ—такъ превознесли «Лебедянь» Тургенева? это одинъ изъ самыхъ обыкновенныхъ разсказовъ его, а послѣ вашихъ похвалъ онъ мнѣ показался даже довольно слабымъ... «Малиновая вода» мнѣ не очень понравилась, потому что я рѣшительно не понялъ Степушки. Въ «Уѣздномъ лекарѣ» я не понялъ ни одного слова, и потому ничего не скажу о немъ; а вотъ моя жена такъ въ восторгѣ отъ него — бабѣ дѣло!» Очевидно, Бѣлинскій въ этотъ періодъ его дѣятельности искалъ въ произведеніяхъ не столько художественной правды, сколько рѣзко очерченной бьющей мысли, подсказывающей обществу: куда идти и что дѣлать, и равнодушно встрѣтилъ разсказы Тургенева, на первый взглядъ несоотвѣтствовавшіе этимъ временнымъ его цѣлямъ.

Между тѣмъ, видимо, Тургеневъ самъ почувствовалъ свою силу и оригинальность въ этомъ родѣ небольшихъ, но мѣткихъ и художественныхъ очерковъ изъ крестьянской и пѣмѣщичьей жизни, такъ что, съ 1847-года по 1851, когда онъ большую часть времени жилъ за-границей или путешествовалъ по Европѣ, — были написаны, одинъ за другимъ, всѣ лучшіе его разсказы изъ «Записокъ Охотника», а въ 1852 г. всѣ эти очерки уже изданы отдѣльно, и общество получило возможность осязательнѣе схватить ту общую руководящую идею, которая такъ нераздѣльно связываетъ всѣ эти, повидимому, совершенно различные сюжеты.

Появленіе въ свѣтъ этой небольшой книжки надѣлало не мало шуму, и публика, какъ выразился одинъ французскій критикъ, поняла наконецъ,—что явился человекъ, дерзнувшій развить тайный смыслъ мрачной шутки Гоголя о «мертвыхъ душахъ».

Успѣхъ «Записокъ» сразу окончательно обезпечился. Здѣсь Тургеневъ выступилъ уже не только тонкимъ художникомъ, изощряющимъ великій даръ для забавы праздныхъ умовъ изнѣженныхъ читателей, но и замѣчательнымъ мыслителемъ, сумѣвшимъ возвыситься до пониманія сущности современной жизни, подмѣтившимъ едва замѣтные, съ трудомъ пробивающіеся проблески народной идеи. «Въ лицѣ самыхъ передовыхъ своихъ представителей,—говоритъ въ статьѣ о Тургеневѣ профессоръ О. Ѳ. Миллеръ,—наша литература XIX в. какъ бы совершенно порвала связь съ тѣми доблестными преданіями, представителями которыхъ являлись въ XVIII в. съ одной стороны наши комики, съ другой — публицисты въ родѣ Новикова, Полѣнова и Радищева. Но XIX вѣку даже мало было порвать эту связь: онъ осмѣлился, въ лицѣ Пушкина, самымъ легкомысленнымъ образомъ осмѣять Радищева. Еще раньше нашъ вѣкъ опозорилъ себя сладкогласнымъ ратованіемъ за отсрочку рѣшенія крѣпостнаго права — въ лицѣ Карамзина, который, отвернувшись отъ Новиковскаго мистицизма, не задумавшись отвернулся и отъ самыхъ человѣческихъ стремленій этого — хотя бы притомъ и мистика! И не только одни умозрѣнія, но и живые пріемы повѣсти послужили позорному дѣлу такой отсрочки, создавая изъ нашей народной жизни — пріятно убаюкивающую идиллію. И отголоски такой идилліи сохранялись у насъ до временъ ближайшихъ Тургеневу, между тѣмъ, какъ съ другой стороны, обнаруживались и зародыши противоположной крайности — выставленія народа совсѣмъ уже отупѣлымъ, почти низведеннымъ на степень животнаго. Какъ же послѣ этого не превознести въ «Запискахъ Охотника» именно то, что, правдиво обнаруживая всю бѣдственность положенія народа, онѣ столько же правдиво, не убѣляя и не черня, представляютъ намъ въ простомъ народѣ людей. Въ нѣкоторыхъ разсказахъ своихъ охотникъ, т. е. нашъ писатель, даже не

затрогиваетъ крѣпостнаго вопроса, а просто рисуешь намъ такіе типы крѣпостныхъ людей, въ которыхъ оказывается гораздо болѣе человѣческаго, чѣмъ во многихъ типахъ помѣщичьихъ. Вотъ передъ нами дѣтскій крестьянскій міръ въ «Бѣжиномъ Лугѣ», со всею налегшею на него съ колыбели неприглядною тьмою суевѣрій, но и со всею бодростью и находчивостью существъ, тоже почти съ колыбели выведенныхъ на открытое поле жизни и предоставленныхъ почти совершенно самимъ себѣ. Есть, однако, и между ними болѣе приголубленные судьбою въ лицѣ болѣе зажиточныхъ родителей, но нѣтъ между ними такихъ, которыхъ бы она приголубила до того, чтобы довести до состоянія комнатнаго растенія. А вспомните этотъ яркій, поразительный образъ Павлуши, такъ спокойно готовящагося встрѣтить волка, — и согласитесь, что въ эту минуту далеко до него какому нибудь изнѣженному барченку, хотя бы и вовсе не суевѣрному! А вотъ передъ вами простой народный кабакъ со всею его неприглядною обстановкою и со всѣми его болѣе или менѣе сбившимися съ пути, посѣтителями («Пѣвцы»). И что же, на этой совершенно низкой ступени тѣхъ чувственныхъ наслажденій, до какихъ въ состояніи ниспасть человѣкъ, разомъ сказываются во всѣхъ этихъ забулдыгахъ порывы къ высшему — въ этой внезапной жаждѣ ухнуть пѣсней, въ этомъ, приковывающимъ всѣхъ, состязаніи двухъ пѣвцовъ и обаятельномъ дѣйствіи ихъ, всѣмъ давно извѣстныхъ, но всегда отвѣчающихъ на запросы народа, пѣсень. И согласитесь, что въ эту минуту кабакъ представляетъ намъ болѣе признаковъ человѣческой жизни, чѣмъ тотъ барскій покой Ивана Никифоровича, среди котораго онъ лежалъ въ натурѣ, или даже тотъ, поэтически выставленный Гоголемъ, уголокъ «Старосвѣтскихъ помѣщиковъ», въ которомъ почти исключительно раздавалась нескончаемая бесѣда о томъ «чего бы такого покушать»? Но доходя до чрезвы-

чайной осязательности, выпуклости въ обрисовкѣ крестьянскихъ типовъ и заглядывая въ эти простыя души маленькихъ, забитыхъ неволей людей, можно было бы думать, что для большей рельефности поэтъ прибѣгнетъ къ рѣзкому контрасту — напишетъ галерею мрачныхъ портретовъ изверговъ крѣпостниковъ, на которыхъ, на первый взглядъ неглубокозахватывающаго жизнь зрителя, могла пасть главная вина всѣхъ бѣдствій крѣпостнаго порядка, — но Тургеневъ и въ этомъ случаѣ былъ слишкомъ далекъ отъ подобныхъ уклоненій отъ справедливости — онъ и въ этой помѣщичьей средѣ не сторонился такихъ свѣтлыхъ человѣчныхъ образовъ, какъ напримѣръ несчастный недоучившійся студентъ Авениръ Сорокоумовъ, или мелкопомѣстная мать больной дѣвушки, влюбившейся въ «Уѣзднаго Лекаря»; онъ видѣлъ, что вся эта звѣрская грубость помѣщиковъ зависитъ не отъ недостатка въ нихъ добрыхъ началъ, неотъемлемо присущихъ каждому человѣку, независимо отъ его образованія и развитія, а въ тѣхъ ненормальныхъ отношеніяхъ людей съ неограниченными правами и людей безправныхъ, на которыхъ строились всѣ отношенія тогдашнихъ крѣпостныхъ порядковъ.

Онъ рисовалъ жизнь какъ она есть, возвышаясь надъ всѣми ея проявленіями силою своего художественнаго дарованія, рисовалъ тѣ дѣйствительные образы, которые приходилось ему наблюдать, бродя на охотѣ, — и если бы будущему его біографу удалось записать всѣхъ людей и всѣ факты деревенской жизни Тургенева, мы бы имѣли цѣлую галерею тѣхъ прототиповъ, съ которыхъ писалъ художникъ чудныя портреты для своихъ деревенскихъ разсказовъ. Извѣстно, напримѣръ, что почти вся исторія глухонѣмаго Герасима, утопившаго свою собаку «Муму», была на самомъ дѣлѣ въ домѣ Варвары Петровны, жившей одно время въ Москвѣ, а живая фигура «Ермолая» срисована поэтомъ съ бывшаго двороваго его матери

Аѳанасія, на обязанности котораго лежало доставлять къ барскому столу всякую дичь. Когда Тургеневъ прїѣзжалъ въ Спасское, онъ напередъ зналъ, что на утро къ нему явится Аѳанасій, высокій стройный мужикъ въ коротенькомъ зипунишкѣ до колѣнъ, подпоясанномъ веревочкой, и монотонно доложить о выводкахъ коростелей, дупелей и т. п. Тургеневъ слушалъ внимательно, не перебивая его плавной рѣчи, вынималъ деньги изъ кошелька и говорилъ: «теперь распоряжайся мною, Аѳанасій, какъ знаешь».

Но, при всей своей близости къ дѣйствительности, Тургеневъ слишкомъ далека былъ отъ узкихъ и искусственныхъ рамокъ фотографіи. Брандесъ, извѣстный датскій критикъ и историкъ литературы,—восхищаясь въ Тургеневѣ именно этой яркой способностью воспроизводить живыхъ людей, говоритъ: «жизненность его образовъ не только наружная (они живы до конца ногтей), но онъ такъ умѣетъ проникнуть въ сокровенную духовную жизнь описываемаго лица, что мы узнаемъ ее вполне и всесторонне. Особенно доказываетъ превосходство его художественнаго таланта ощущаемая читателемъ общность между интересомъ самого поэта къ описанной личности или его взглядомъ на рассказанное, и тѣмъ впечатлѣніемъ, которое выноситъ читатель». Въ этомъ случаѣ отзывы иностранной критики, до Тургенева чрезвычайно мало интересовавшейся явленіями русской литературы, всего ярче подтверждаютъ мысль о жизненности и правдивости Тургеневскаго таланта, хотя почти вся Западная Европа имѣла возможность читать поэта только въ болѣе или менѣе хорошихъ переводахъ, которые, начиная съ 1854 г., стали появляться почти на всѣхъ европейскихъ языкахъ. «Онъ живо изобразилъ намъ народъ великой западной имперіи,—продолжаетъ Брандесъ;—ему мы обязаны тѣмъ, что узнали основныя душевныя черты ея мужчинъ и женщинъ... Онъ даетъ намъ картины русскаго

лѣса и степи, осени и весны, рисуетъ образы русскихъ людей всѣхъ сословій и различныхъ степеней образованія. Всѣхъ изобразилъ онъ: крѣпостнаго человѣка и княгиню, мужика и помѣщика, и студента и молодыхъ дѣвушекъ, съ нѣжной душой, полныхъ тонкой прелести, свойственной славянской расѣ, и холодныхъ, красивыхъ, себялюбивыхъ кокетокъ, которыя въ Россіи какъ будто еще безсердечнѣе, чѣмъ гдѣ либо. Онъ далъ намъ богатую психологію цѣлой расы, написанную съ глубокимъ чувствомъ, которое, однако, нигдѣ не затемняетъ прозрачной ясности описанія». Подводя итоги всему понятному въ произведеніяхъ Тургенева для иностранца съ общечеловѣческой точки зрѣнія, другой представитель западной критики М. де-Вогюэ, такъ живо представляетъ себѣ, на основаніи «Записокъ Охотника», русскаго крѣпостнаго: «это человѣкъ кроткій, покорный, сонливый, трогательный въ своихъ страданіяхъ, какъ ребенокъ, не знающій за что онъ страдаетъ; впрочемъ, хитрый и себѣ на умѣ, когда онъ не пригипленъ пьянствомъ, порою способный на порывы животной ярости»; до извѣстной степени похожъ на мужика и старый крѣпостной баринъ, «необразованный, съ старыми почтенными традиціями и, вмѣстѣ съ тѣмъ, съ грубыми пороками, суровый къ рабамъ по старой привычкѣ, самъ раболѣпный, но хорошій человѣкъ въ другихъ отношеніяхъ русской жизни». Въ этихъ же «Запискахъ» Тургеневъ проявилъ свой талантъ со стороны яркихъ описаній родной сѣренькой природы; каждый почти самый незначительный сюжетъ изъ его охотничьихъ, деревенскихъ походовъ вызывалъ рядъ прелестныхъ поэтическихъ пейзажей, но только до тѣхъ поръ, пока поэтъ въ своихъ описаніяхъ дома, въ родныхъ равнинахъ и лѣсахъ, гдѣ онъ провелъ свои дѣтскіе годы. Заграничная природа уже не находила въ душѣ его такого яркаго поэтическаго отклика: охотясь не разъ, напримѣръ, въ живописныхъ лѣсахъ Гер-

маніи, Тургеневъ могъ написать умный и прочувствованный рассказъ о собакѣ своей «Пегасѣ», но ни на минуту не увлекся живымъ описаніемъ окружавшей его богатой природы, которая въ Орловской губерніи находила въ немъ такого чуткаго пейзажиста и при этомъ — страстнаго охотника, всегда умѣющаго подмѣтить ея часто едва замѣтные оттѣнки, прислушаться къ малѣйшему дрожанію всякой вѣтки, голосу самой незначительно крошечной птицы.

Русская критика въ лицѣ Бѣлинскаго, какъ мы видѣли, встрѣтила «Записки Охотника» довольно сдержанно, но уже въ 1849 г. появилась въ «Современникѣ» статья П. В. Анненкова, гдѣ этотъ критикъ опредѣлялъ Тургенева какъ замѣчательнаго *беллетриста*, который въ своей новой, чрезвычайно сжатой формѣ сумѣлъ достигъ блестящихъ результатовъ. «Рассказы Тургенева, — утверждалъ критикъ, — приобретаютъ для насъ двойное значеніе: во-первыхъ, по собственному содержанію, а во-вторыхъ, по эстетическому вопросу, который они порождаютъ. Новые рассказы Тургенева («Малиновая вода», «Уѣздный лекарь», «Бирюкъ», «Лебедянь», «Татьяна Борисовна», «Смерть») сохраняютъ всѣ качества предшествовавшихъ имъ: разнообразіе, вѣрность картинъ и особенно какое-то уваженіе ко всѣмъ своимъ лицамъ. Гуманность эта, доказывающая, между прочимъ, уже окрѣпшую мысль въ авторѣ, да сильное чувство красоты природы, какъ и прежде, ихъ настоящій колоритъ, и объясняютъ успѣхъ ихъ. Это этюды многоцвѣтнаго русскаго міра, исполненные тонкихъ замѣтокъ и ловко подмѣченныхъ чертъ».

Въ 1850 году скончалась мать Тургенева, Варвара Петровна, которая послѣднее время была съ сыномъ не въ ладахъ, такъ что три года, прожитые за-границей ему пришлось существовать исключительно на свои средства. Вернувшись въ Россію уже хозяиномъ значительныхъ имѣній матери,

Тургеневъ прежде всего постарался облегчить участь своихъ крестьянъ: отпустилъ дворовыхъ на волю, а желающихъ изъ крестьянъ перевелъ на оброкъ; къ тому же, со смертью Гоголя въ 1852 году, связана высылка Тургенева на безвыѣздное жительство въ с. Спасское, гдѣ онъ прожилъ до самаго 1856 года, когда, наконецъ, ему разрѣшенъ былъ опять выѣздъ за-границу.

Съ Гоголемъ Тургеневъ уже и раньше встрѣчался: сначала на лекціяхъ въ С.-Петербургскомъ университетѣ, гдѣ Гоголь одно время читалъ исторію, а потомъ—въ радушномъ домѣ Авдотьи Петровны Елагиной, племянницы поэта Жуковскаго, гдѣ въ началѣ пятидесятихъ годовъ собирались на замиренной почвѣ почти всѣ корифеи самыхъ противоположныхъ западныхъ и славянофильскихъ мнѣній; но только въ 1851 году, знаменитый драматическій артистъ Щепкинъ, въ Москвѣ, ближе познакомилъ Тургенева съ авторомъ «Ревизора» и «Мертвыхъ душъ». «Меня поразила перемѣна,—говорилъ Тургеневъ,—происшедшая въ немъ съ 41 года. Въ то время онъ смотрѣлъ приземистымъ и полнымъ малороссомъ; теперь онъ казался худымъ и испитымъ чело-вѣкомъ, котораго уже успѣла на порядкахъ измыкать жизнь. Какая-то затаенная боль и тревога, какое-то грустное безпокойство примѣшивалось къ постоянно-проницательному выраженію его лица». Въ это время Гоголь былъ уже очень боленъ; въ Москвѣ, гдѣ онъ послѣднее время жилъ, поговаривали, что онъ сходитъ съ-ума; съ нимъ боялись, напри-мѣръ, говорить о продолженіи «Мертвыхъ Душъ», о той второй части этого произведенія, надъ которой Гоголь такъ много трудился и, въ концѣ концовъ, передъ самой смертью, сжегъ. Въ началѣ 1852 года Гоголя не стало.

Тургеневъ, столь отзывчивый ко всѣмъ явленіямъ русской жизни, не могъ пройти равнодушнымъ молчаніемъ

такую чувствительную утрату родной литературы, и въ одномъ изъ нумеровъ «Московскихъ Вѣдомостей» появилась его горячая статья памяти Гоголя, предназначавшаяся сначала для «Петербургскихъ Вѣдомостей», но не пропущенная здѣсь по цензурнымъ условіямъ. Такая выходка Тургенева была сочтена за дерзость, и автора «Записокъ Охотника» выслали на житье въ его имѣніе, въ Орловскую губернію.

Въ этотъ періодъ уединенной деревенской жизни Тургеневъ имѣлъ возможность заготовить значительнымъ бытовымъ матеріаломъ для своихъ новыхъ произведеній. Онъ много охотился, много читалъ; написалъ повѣсти: «Два пріятели», «Затишье», «Яковъ Пасынковъ», «Постоялый дворъ», «Переписка»; напечаталъ рассказъ «Муму», набросанный имъ еще во время предварительнаго ареста въ части; написалъ комедію «Мѣсяць въ деревнѣ», «Рудина» и «Фауста». Къ нему почасту наѣзжали изъ Петербурга и Москвы его друзья, и первый прикатилъ въ Спасское артистъ М. С. Щепкинъ. Гостили у него: Д. В. Григоровичъ, В. П. Боткинъ, авторъ извѣстныхъ «Писемъ объ Испаніи», А. В. Дружининъ; друзья вмѣстѣ весело проводили время, сообща писали и сами разыгрывали свою комедію: «Школа гостепрѣимства», которая привела въ немалый восторгъ всѣхъ окрестныхъ жителей, собравшихся посмотреть это своеобразное представленіе. Деревенское уединеніе Тургенева скрашивалось еще присутствіемъ въ Спасскомъ семьи поэта Ѳ. И. Тютчева, который въ то время управлялъ дѣлами и хозяйствомъ Тургенева.

Между тѣмъ приближалось время роковой развязки Севастопольской войны. Наступилъ знаменательный 56-й годъ. «Великое, незабвенное время, какъ выразился графъ Л. Толстой, — возрожденія русскаго народа. Какъ тотъ французъ, который говорилъ, что тотъ не жилъ вовсе, кто не жилъ въ великую французскую революцію, такъ и я, — замѣчаетъ рома-

нисть,—смѣю сказать, что кто не жилъ въ 56 году въ Рос-
 сии, тотъ не знаетъ что такое жизнь». — Это былъ моментъ
 глубокаго, но радостнаго вздоха труженика, когда тяжелый
 путь уже почти пройденъ, видны признаки осуществленія
 завѣтныхъ и радостныхъ желаній. Все общество вдругъ ожило,
 засуетилось, и каждый по своему; явилась масса самыхъ
 разнообразныхъ вопросовъ общественной жизни, всѣ пыта-
 лись рѣшить эти вопросы: писали, читали, стремились внести
 и свою лепту въ общее дѣло.

Какъ нельзя болѣе кстати, въ этомъ же 1856 году, вышло въ
 трехъ томахъ первое собраніе повѣстей Тургенева, изданныхъ
 П. В. Анненковымъ. Эти три книжки надѣлали въ свое время не
 мало шуму, и вызвали въ критикѣ массу самыхъ разнорѣчи-
 выхъ сужденій о талантѣ и о герояхъ Тургеневскихъ повѣ-
 стей. Но и самые сюжеты и мотивы всѣхъ новыхъ произве-
 деній автора были такъ жизненны и близки тогдашней совре-
 менности, что разобраться среди этого богатаго матеріала
 глубокихъ разоблаченій, яркихъ характеристикъ людей, кото-
 рые пользовались въ обществѣ симпатіей и уваженіемъ, —
 было чрезвычайно трудно; почти каждая критическая статья
 разсматривала автора очень односторонне, а о судьбѣ героевъ
 Тургенева говорили какъ о личномъ своемъ дѣлѣ, близкимъ
 для всякаго, берущагося оцѣнивать эти повѣсти. Можно было
 подумать, что въ послѣдовательности выхода этихъ двухъ
 серій произведеній Тургенева — его «Записокъ Охотника» и
 «Повѣстей» — скрывалась затаенная, предвзятая мысль автора,
 который съ полной вѣрой въ близость скорого освобожденія,
 задался цѣлью сперва характеризовать ту «черноземную си-
 лу», гдѣ онъ сумѣлъ найти столько богатыхъ душевныхъ
 кладовъ, полныхъ ума и непосредственныхъ затаенныхъ да-
 рованій, а съ другой — вывести на судъ общественнаго мнѣнія
 будущаго молодого дѣятеля, которому судьба дала, кажется, все,

кромѣ воспитанной энергіи и стойкости убѣжденія въ необходимости своего дѣла. Въ этомъ случаѣ посторонній отзывъ француза де-Вогюэ о нашихъ молодыхъ герояхъ повѣстей Тургенева, довольно рельефно резюмируетъ общее. «Въ большинствѣ случаевъ,—говоритъ критикъ,—этотъ молодой человѣкъ образованъ, грустенъ, богатъ идеями и бѣденъ дѣйствіями, вѣчно готовится къ работѣ, мучится идеаломъ общественнаго блага, идеаломъ смутнымъ, великодушнымъ,—это любимый типъ русскаго романа». Для такого героя не хватало прежде всего силы воли, чтобы сладить съ новизной своего положенія; «сборы на борьбу и страданія героя, какъ замѣчаетъ другой критикъ,—хлопотавшаго о побѣдѣ своихъ началъ, и его паденіе передъ подавляющею силою людской пошлости—и составляли обыкновенно интересъ повѣстей Тургенева».

Отзывы критики, общее движеніе родной литературы всегда и преимущественно интересовали Тургенева. Теперь, получивъ съ значительными трудностями право выѣзда за границу, онъ поселился, въ 1856 г., въ Парижѣ и съ напряженнымъ вниманіемъ прислушивался ко всѣмъ разнорѣчивымъ отзывамъ о немъ русской критики, устроилъ даже особую платную корреспонденцію, въ которой ему сообщались всѣ литературныя новости, а въ концѣ концовъ, впалъ въ уныніе, въ полное отрицаніе всякаго значенія и пользы своей дальнѣйшей дѣятельности. «Все это вздоръ,—писалъ онъ въ 1857 г. В. П. Боткину,—таланта съ особенною фізіономіею и цѣлостностью у меня нѣтъ; были поэтическія струнки, да онѣ прозвучали и отзвучали—повторяться не хочется. Въ отставку! Это не вспышка досады, повѣрь мнѣ, это выраженіе, или плодъ медленно созрѣвшаго убѣжденія. Не успѣхъ моихъ повѣстей ничего не сказалъ новаго... Такъ какъ я порядочно владѣю россійскимъ языкомъ, то я намѣренъ заняться

переводомъ «Донъ-Кихота» — если буду здоровъ». Эти мрачныя мысли были, вѣроятно, результатомъ горькаго раздумья надъ всѣмъ, что писалось въ это время по поводу его произведеній, а также слѣдствіемъ различныхъ чисто личныхъ обстоятельствъ; но одновременно съ приведеннымъ письмомъ, Тургеневъ сообщалъ А. В. Дружинину о новой своей вещи «Поѣздка въ Полѣсье», и между прочимъ такъ высказывался по поводу критическихъ статей Дружинина о Тургеневскихъ «Повѣстяхъ и разсказахъ: «Вы вложили перстъ въ язву — и я самъ увидалъ свою фізіономію какъ въ зеркалѣ (только черезъ-чуръ снисходительномъ). То, что вы говорите по поводу Колосова — поразило меня, и тѣже самыя мысли давно смутно вертѣлись въ моей головѣ. Если я еще буду писать — повѣрьте — эта критика была для меня драгоценно полезна». Въ своей полной и основательной критикѣ произведеній Тургенева А. В. Дружининъ выдѣлялъ «Пѣтушкова», «Три портрета» и «Разговоръ на большой дорогѣ», какъ вещи самыя слабыя и по формѣ, и по міросозерцанію автора въ нихъ высказавшемуся; въ «Колосовѣ» онъ ставилъ на видъ преимущественно хорошій замыселъ автора. «Въ Колосовѣ, — говорилъ критикъ — авторъ хотѣлъ представить намъ натуру свѣтлую, ясную, откровенную, глядящую на дѣла жизни прямо и чистосердечно, но личность, понимаемая авторомъ, какъ личность широкая и изящная, приведена въ соприкосновеніе съ самой узкой, съ самой блѣдной средой, а оттого ей или дѣлать нечего, или приходится совершать дѣла, ей несоотвѣтствующія»... «Къ другому разряду, — продолжалъ критикъ, — несравненно высшему, необходимо отнести и «Жида», вещь отлично обработанную, но, при всей своей поэтической свѣжести, не имѣющую важнаго значенія; повѣсть «Три встрѣчи», хотя и исполненную проблесковъ поэзіи, но невыдержанную и даже гемную по содержанію; наконецъ, разсказы «Муму» и «По-

стоялый Дворъ», превосходно рассказанные, украшенные присутвіемъ поучительной мысли и все-таки представляющіе собою интересъ умнаго анекдота, никакъ не болѣе».

Совершенно особнякомъ поставилъ критикъ всѣ остальные напечатанныя повѣсти Тургенева: «Бреттеръ», «Дневникъ лишняго человѣка», «Два пріятели», «Затишье», «Яковъ Пасынковъ», «Рудинъ» и «Фаустъ». «Достоинства всѣхъ названныхъ повѣстей, замѣчаетъ А. В. Дружининъ, — различны: по формѣ своей онѣ весьма не сходны между собою, а между тѣмъ каждый внимательный цѣнитель, по прочтеніи книги Тургенева, тотчасъ же сгруппируетъ ихъ вмѣстѣ... Между ними есть неразрывная связь, которая сама сказывается съ перваго раза, — ими, какъ столбами по большой дорогѣ, обозначается весь артистическій путь Тургенева, какъ мыслящаго дѣятеля въ русской литературѣ. Отъ страдальцевъ *озлобленныхъ* перешелъ онъ къ страдальцамъ *меланхолическимъ* и потребовалъ ихъ на судъ, хотя и несравненно снисходительнѣйшій, чѣмъ судъ, занимавшійся особой бреттера Лучкова. Года черезъ четыре послѣ повѣсти «Бреттеръ», нашему автору пришла въ голову плодотворная мысль о «*Литнемъ человѣкѣ*» — та мысль, въ которой таилось зерно многихъ будущихъ созданій «Рудина» между прочимъ».

Появленіе «Рудина» въ январѣ 1856 года вызвало цѣлую бурю споровъ, критическихъ оцѣнокъ, и даже нападковъ на автора, и въ особенности, на самаго Рудина, какъ будто дѣло шло о живомъ человѣкѣ. Долгое время опредѣленіе характера и поступковъ этого героя тургеневской повѣсти составляло главный вопросъ нашей критики. «Рудинъ», писалъ Дружининъ, — есть живой плодъ нашего ранняго, быстро развивающагося, порывистаго просвѣщенія. Рудина нельзя назвать ни русскимъ человѣкомъ, ни космополитомъ, ни германцемъ, или какимъ-нибудь другимъ иноземцемъ. Онъ — застрѣльщикъ ме-

жду двумя арміями, усталый часовой между двумя лагерями. Европейское современное просвѣщеніе, не примѣненное къ жизни, дало намъ Рудина,—но матеріаль, изъ котораго создано было это лицо, взятъ изъ нашего отечества, изъ круга людей, жившихъ между нами».

Скоро «Рудинъ» сдѣлался такимъ же нарицательнымъ именемъ, какъ Молчалинъ, Хлестаковъ, Чичиковъ; въ немъ поэтъ съ громаднымъ талантомъ и знаніемъ воплотилъ типъ идеалиста, дѣятеля сороковыхъ годовъ, который при всемъ своемъ энтузіазмѣ, начитанности и пониманіи руководящихъ идей современности, по воспитанію и привычкамъ оставался все-таки еще прикрѣпленнымъ органически къ старымъ порядкамъ крѣпостнаго барства; къ тому же поэтъ, какъ выразился одинъ критикъ, изъ всей своей обширной «Одиссеи» могъ описать только похождения на островѣ Калипсо, т. е. одну сторону изъ всей эпопеи пробужденія нашихъ дѣятельныхъ силъ. Литературная критика, поставившая себѣ цѣлью разяснить характеръ героя этой повѣсти, вмѣстѣ съ тѣмъ имѣла въ виду оцѣнку дѣятельности цѣлаго поколѣнія людей сороковыхъ годовъ, склонныхъ, по мнѣнію многихъ, болѣе къ трескучей фразѣ да къ разговору, но которые все-таки въ значительной степени сумѣли выработать и вынести на своихъ плечахъ многое въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ. Всѣ эти слабые, лишніе люди, благородные по своимъ стремленіямъ,—прежде всего дворяне стараго крѣпостнаго порядка, не идущіе, какъ понималъ ихъ самъ Тургеневъ, далѣе *«благороднаго смиренія или кипѣнія»*. Будущаго непосредственнаго дѣятеля поэтъ представлялъ себѣ совершенно инымъ, въ иной средѣ и обстановкѣ;—ему въ этомъ случаѣ мечталась «фигура сумрачная, ясная, большая, до половины выросшая изъ почвы, сильная, злобная, честная», которую онъ старался воплотить позднѣе въ Базаровѣ.

Какъ противовѣсь своему герою, — слабому человѣку, во всѣхъ повѣстяхъ, а главнымъ образомъ, въ «Асѣ», «Дворянскомъ Гнѣздѣ», «Наканунѣ», написанныхъ за время 1856—1860 г., Тургеневъ ставитъ граціозный образъ молодой дѣвушки, полной силъ и горячаго чувства любви, вѣчно чего-то ищущей, но подавленной средой и воспитаніемъ, рѣшительной и чуткой ко всему живому, дѣятельному. И въ этомъ случаѣ Тургеневъ, выдвигая яркіе типы героинь женщинъ, явился только отзывчивымъ художникомъ, предугадывающимъ едва нарождающіеся вопросы современной жизни. «Мы можемъ смѣло сказать,—говоритъ одинъ изъ русскихъ критиковъ,—что если уже Тургеневъ тронулъ какую-нибудь новую сторону общественныхъ отношеній,—это служить ручательствомъ за то, что вопросъ этотъ дѣйствительно подымается въ сознаніи образованнаго общества, что эта новая сторона жизни и начинаетъ выдѣляться и скоро выкажется рѣзко и ярко передъ глазами всѣхъ». Въ каждомъ новомъ произведеніи Тургеневъ, шагъ за шагомъ, отмѣчалъ новые типы пробужденія мысли, и представилъ рядъ художественныхъ образовъ женщинъ, которыя такъ же, какъ и все мыслящее общество, стали искать въ своей жизни болѣе прочныхъ и разумныхъ основъ, чѣмъ тѣ, какія имъ пришлось вынести изъ своихъ замкнутыхъ «дворянскихъ гнѣздъ». Въ первыхъ повѣстяхъ художникъ рисуетъ прежнихъ женщинъ чувства, мало отдающихъ себѣ отчета въ окружающей дѣйствительности: это—отверженная Варя (Андрей Колосовъ), влюбчивая Маша (Бреттеръ), такъ безжалостно обманутая Ольга (Три портрета), энергичная Лиза, не встрѣтившая въ жизни никого, кромѣ «Лишняго чело-вѣка»,—наконецъ, простодушная и добрая Вѣрочка Барсукова (Два пріятели) и гордая, вполне цѣльная и строгая, Марія Павловна, выросшая и окрѣпшая случайно, гдѣ-то въ

«Затишьѣ», которая уже на мужчину смотритъ, какъ на дѣятеля, и обращается къ нему съ умной требовательностью, хотя помимо любви еще не видитъ вокругъ себя ничего живаго, влекущаго. Затѣмъ, въ послѣдующихъ повѣстяхъ, Тургеневъ все глубже и глубже освѣщаетъ замнутую жизнь женщины, начинавшей все болѣе и болѣе придавать значенія умственнымъ элементамъ. Но и Ася, и Наталья въ «Рудинѣ», и Вѣра (Фаустъ), и Лиза (Дворянское гнѣздо), при всемъ запасѣ энергіи и того энтузіазма, который создаетъ нерѣдко знаменитыхъ мучениковъ, падаютъ жертвами извращеннаго воспитанія и заѣдаются дореформенною средою «дворянскихъ гнѣздъ».

Какъ послѣднее напутственное слово всему прошлому, пережитому за послѣднія 30 лѣтъ, всему отходящему въ область исторіи, Тургеневъ написалъ романъ «Дворянское гнѣздо»,—эту искреннѣйшую и задушевную исповѣдь всей эпохи «сороковыхъ годовъ». «Читая его «Дворянское гнѣздо», говоритъ критикъ Тургенева А. Григорьевъ, — вы, что ни шагъ — повѣряете процессъ, который совершался въ цѣлой эпохѣ; что ни шагъ, сталкиваетесь съ образами, возродившимися, пожалуй, въ новыхъ и лучшихъ формахъ, но которыхъ сѣмена, и даже зародыши, коренятся въ далекомъ прошломъ. Вы поднимаете слой за слоемъ — и болѣе всего поражаетесь органическою связью слоевъ между собою... Что сказалось «Дворянскимъ гнѣздомъ»? *Вся умственная жизнь послѣ-пушкинской эпохи отъ туманныхъ началъ ея въ кружокъ Станкевича, до рѣзкаго постановленія вопросовъ Бѣлинскимъ, и отъ рѣзкости Бѣлинскаго до уступокъ, весьма значительныхъ—сдѣланныхъ мыслью жизни и почвы*. Лиза Калитина, героиня этого романа, добрая, хотя малообразованная дѣвушка, воспитавшаяся подъ ближайшимъ и наиболѣе сильнымъ вліяніемъ няни Агафьи, которая за

свою красоту, добрую, любящую, натуру *самонаказуется*, — добровольно принимает на себя крестъ терзѣнія, самоуничтоженія. Какъ натура впечатлительная, воспріимчивая, нѣжная, набожная Лиза восторженно подчиняется аскетическимъ идеаламъ няни, навсегда сживается съ ними и является въ извѣстномъ смыслѣ борцомъ за свою идею, которой она глубоко сочувствуетъ, хотя мало къ ней относится критически. «Считая грѣхомъ анализировать другихъ, — замѣчаетъ одинъ критикъ, — Лиза не умѣетъ анализировать и собственной личности. Когда ей должно на что-нибудь рѣшиться, она рѣдко размышляетъ: въ подобныхъ случаяхъ она или слѣдуетъ первому движенію чувства, довѣряется врожденному чутью истины, или спрашиваетъ совѣта у другихъ и подчиняется чужой волѣ, или ссылается на авторитетъ нравственнаго закона, который всегда понимаетъ буквально и всегда слишкомъ строго, съ фанатическимъ увлеченіемъ. Словомъ, — она не только не достигаетъ умственной самостоятельности, но даже не стремится къ ней и забиваетъ въ себѣ всякую живую мысль, всякую попытку критики, всякое рождающееся сомнѣніе». Этимъ женскимъ типомъ заканчиваетъ Тургеневъ свои расчеты съ старымъ дореформеннымъ временемъ, отыскивая, среди людей его окружавшихъ, новыхъ вѣяній, новыхъ лицъ и стремленій; и странно — можетъ быть, — это и простая случайность — но 10 января 1860 года, на публичномъ чтеніи въ пользу Общества вспомошествованія нуждающимся литераторамъ и ученымъ, онъ произнесъ извѣстную рѣчь о «Гамлетѣ» и «Донъ-Кихотѣ», гдѣ въ своеобразной обрисовкѣ двухъ коренныхъ направленій человѣческаго духа, воплощенныхъ гениемъ Шекспира и Сервантеса, съ особенной симпатіей освѣтилъ характеръ Донъ-Кихота, этого осмѣяннаго нищаго рыцаря. «Онъ весь живетъ внѣ себя, для другихъ, для своихъ братьевъ, для истребленія зла, — го-

ворить поэтъ,—для противодѣйствія враждебнымъ чело-
вѣчеству силамъ—волшебникамъ, великанамъ—т. е. притѣсни-
телямъ. Въ немъ нѣтъ и слѣда эгоизма, онъ не заботится
о себѣ, онъ весь *самопожертвованіе*—оцѣните это слово!—
онъ вѣритъ, вѣритъ крѣпко и безъ оглядки. Оттого онъ без-
страшенъ, терпѣливъ, довольствуется самой скудной пищей,
самой бѣдной одеждой:—ему не до того. Смиранный сердцемъ,
онъ духомъ великъ и смѣль; умиленная его набожность
не стѣсняетъ его свободы; чуждый тщеславія, онъ не сом-
нѣвается въ себѣ, въ своемъ призваніи, даже въ своихъ
физическихъ силахъ; *воля его—непреклонная воля*. Постоян-
ное стремленіе къ одной и той же цѣли придаетъ нѣкоторое
однообразіе его мыслямъ, односторонность его уму; онъ
знаетъ мало, да ему и не нужно много знать: *онъ знаетъ,
въ чемъ его дѣло, зачѣмъ онъ живетъ на земль, а это —
главное знаніе*». Не удивительно, что мысли эти, высказан-
ныя Тургеневымъ одновременно съ появленіемъ въ свѣтъ
новой повѣсти «Наканунъ», подсказали критикѣ основную
идею этого новаго произведенія Тургенева. При этомъ многіе,
впадая въ односторонность, навязывали автору мысль, что
намъ уже совсѣмъ не нужно ни науки, ни искусства, от-
вергнутыхъ Еленой въ лицѣ Шубина и Берсенева, а нужны
одни только практическіе дѣятели, поощренныя героиней въ
иностранцѣ Инсаровѣ. Но авторъ захватывалъ вопросъ го-
раздо глубже, онъ даже не желалъ выводить въ Еленѣ
идеальную личность,—какъ тоже поняли многіе; онъ художе-
ственно отмѣчалъ моментъ наканунѣ освобожденія, когда
должны будутъ понадобится дѣятельныя и сильныя руки, и
ярче выступаетъ жажда общаго дѣла; въ этомъ случаѣ жен-
щина, какъ натура болѣе чуткая и отзывчивая, въ неопре-
дѣленной и смутной тоскѣ только прозрѣла чувствомъ эту
неясную зарю новой жизни, и съ необыкновенной послѣдо-

вательностью нашла ее въ Инсаровѣ, проникнутомъ идеей освобожденія родины, хотя по воспитанію и привычкамъ ей чрезвычайно трудно было оторваться отъ окружавшей ее мертвенной обстановки. Она только съумѣла горячо *сочувствовать* простой, опредѣленной, ясной идеѣ Инсарова; ей *нравились* его твердая, упорная воля, цѣльная его натура, рѣзко и ясно преслѣдующая свои цѣли; она поняла, что назначеніе женской любви заключается въ томъ, чтобы сочувствовать идеямъ любимаго человѣка, быть ему утѣшеніемъ и опорой,—въ этомъ вся ея заслуга, ея значеніе; въ этомъ сила и вліяніе повѣсти, такъ рѣзко проявившіяся на всемъ читающемъ обществѣ. Послѣднему, конечно, въ значительной степени способствовало и то, что Елена, въ концѣ концовъ, все-таки нашла исходъ своимъ стремленіямъ, что до сихъ поръ не выпадало на долю ни одной изъ героинь Тургеневскихъ повѣстей. Однимъ словомъ, повѣстью «Наканунъ» Тургеневъ отмѣтилъ въ нашемъ обществѣ *предчувствіе* новой великой эры въ жизни Россіи и, написавъ еще небольшую поэтическую и законченную вещь «Первая любовь», имѣющую характеръ личныхъ, задушевныхъ воспоминаній,—всецѣло предался изученію новаго нарождающагося типа людей, будущихъ энергичныхъ, глубоко проникнутыхъ общей идеей, дѣятелей.

IV.

19 февраля 1861 г., безъ сомнѣнія, знаменательнѣйшій моментъ въ культурной исторіи Россіи. Съ освобожденіемъ крестьянъ, казалось, открывалась обѣтованная земля, къ которой столь долгое время стремилась русская мысль въ лицѣ лучшихъ своихъ представителей.

Стоитъ заглянуть въ страницы недавняго прошлаго, при-

слушаться къ восторженнымъ рѣчамъ людей шестидесятихъ годовъ, чтобы согласиться, что они были свидѣтелями грандіозныхъ событій, которыя оставляютъ надолго по себѣ память.

«Вся Россія, говоритъ одинъ изъ современниковъ «19 февраля», — какъ всегда въ великія эпохи ея исторіи, была одна душа, одно стремленіе, одинъ порывъ; чутко слышался пульсъ народной жизни; высоко поднялось и настроилось общественное сознаніе; пробудилась жажда подвига, свободныхъ жертвъ и труда на пользу народа. Ожила русская мысль, усиленно забилося русское сердце, и былъ великій праздникъ на Руси, великій день, котораго она никогда не забудетъ, и воспоминаніе о которомъ послужитъ для русскаго народа хранительной силой въ минуты его испытанія».

Сбылась завѣтная мечта Тургенева и многихъ дѣятелей крестьянской реформы: явились новыя потребности, новыя запросы жизни, на которые нашъ поэтъ не преминулъ отозваться проектомъ новаго журнала «Хозяйственный Указатель», посвященнаго спеціальной разработкѣ всѣхъ вопросовъ, касающихся устройства крестьянскаго быта и опредѣленія правильныхъ и постоянныхъ отношеній между землевладѣльцами. Однако, изданію этому не суждено было осуществиться, и Тургеневъ лѣтомъ 1861 г. поселился въ Спаскомъ, и энергически занялся окончаніемъ своего новаго произведенія, къ которому ему пришлось приложить болѣе всего старанія и изученія окружающихъ новыхъ отношеній. *«Теперь я сижу здѣсь, — писалъ онъ изъ деревни, — въ своемъ флигелькѣ, оканчиваю новую большую повѣсть для «Русскаго Вѣстника», — и присутствую при медлительномъ устроеніи новаго быта. Къ счастью, по неотступнымъ моимъ просьбамъ, дядя въ прошломъ же году посадилъ Спасскихъ и Каленскихъ мужиковъ на оброкъ. Есть надежда, что Любовинскіе пой-*

дутъ, — другіе упираются. Этого факта (что мужики не захотятъ идти съ барщины на оброкъ) никто не предвидѣлъ, а между тѣмъ онъ повсемѣстный. Впрочемъ, кругомъ все тихо». «Крестьянскія дѣла — ничего себѣ, продолжалъ сообщать Тургеневъ о своихъ деревенскихъ дѣлахъ; — впередъ пока подвигаются плохо, но и назадъ не идутъ. Все-таки это дѣло громадное — и то, что уже сдѣлано и осталось — составляетъ полный переворотъ въ русской жизни, который оцѣнить только наши потомки».

Среди такой деревенской обстановки Тургеневъ продолжалъ усиленно трудиться надъ своимъ новымъ произведеніемъ; къ тому же на этотъ разъ по нѣсколькимъ мимолетнымъ чертамъ личности одного молодого врача, ему приходилось возсоздавать цѣлый новый типъ, еще слишкомъ мало въ то время опредѣлившійся и въ самой жизни. «Впечатлѣніе, произведенное на меня этой личностью, — говоритъ въ воспоминаніяхъ своихъ поэтъ, — было очень сильно и въ то же время не совсѣмъ ясно: я, на первыхъ порахъ, самъ не могъ дать себѣ въ немъ отчета, и напряженно приглядывался и прислушивался ко всему, что меня окружало, какъ бы желая повѣрить правдивость собственныхъ ощущеній. Меня смущалъ слѣдующій фактъ: ни въ одномъ произведеніи нашей литературы я даже намека не встрѣчалъ на то, что мнѣ чудилось повсюду; по-неволѣ возникло сомнѣніе». И эти сомнѣнія, эти колебанія въ творествѣ поэта въ значительной степени вліяли на читателей и на критику, привыкшихъ во всѣхъ прежнихъ твореніяхъ Тургенева отыскивать мнѣнія самого автора, чувствовать всегда общность своихъ интересовъ съ интересами ихъ творца. Къ тому же Тургеневъ самъ признавался, что «не обладалъ большою долей свободной изобрѣтательности и всегда нуждался въ данной почвѣ, по которой могъ бы твердо ступать ногами». На этотъ разъ

почву эту ему приходилось создавать искусственно, такъ какъ новый герой не былъ ему такъ родствененъ и близокъ по времени, какъ Рудинъ, Лежневъ и друг., въ которыхъ онъ всегда вносилъ частичку своего «я». Переселившись теперь въ деревню и окончательно обрабатывая свою повѣсть, Тургеневъ, какъ всегда, весь отдался тѣнамъ новой жизни, изображаемой имъ въ произведеніи, бредилъ Базаровымъ, и велъ даже отъ его имени особый дневникъ.

Прочтеть ли новую книгу, человѣка ли интереснаго встрѣтить, услышитъ ли что нибудь о новомъ событіи — все это онъ старательно вноситъ въ дневникъ съ точки зрѣнія Базарова, и все-таки, въ концѣ концовъ долженъ былъ сознаться, что *«самъ не могъ себя хорошенько представить, какъ онъ написалъ Базарова»*. *Тутъ былъ какой-то фатумъ, что-то сильнѣе самого автора, что-то независимое отъ него.*

Къ концу 1861 года повѣсть «Отцы и дѣти» была кончена и передана въ «Русскій Вѣстникъ», хотя авторъ до послѣдней минуты не мало трепеталъ за свое дѣтище, ждалъ самыхъ неблагопріятныхъ отзывовъ, которые рѣшилъ безропотно «переждать, какъ лѣтній дождикъ», оставаясь при убѣжденіи, что «если вещь удалась, она выдержитъ всѣ эти нападкы и выяснится наконецъ, а не удалась — провалится какъ нѣчто недосказанное, непонятное — туда ей и дорога».

Вскорѣ Тургеневъ уѣхалъ за-границу, а критика встрѣтила новое произведеніе самыми разнорѣчивыми осужденіями, имѣвшими отчасти въ то время свое основаніе, хотя иное говорилось чисто подъ вліяніемъ страсти, вслѣдствіе близорукаго отношенія къ самому произведенію и къ современности. *Вся причина недоразумѣнія, вся, какъ говорится, «бѣда состояла въ томъ», — замѣчаетъ Тургеневъ, — что воспроизведенный мною Базаровскій типъ не успѣлъ пройти черезъ постоянные фазисы, черезъ которые обыкновенно проходятъ*

литературные типы. На его долю не пришлось — какъ на долю Онткина и Печерина — эпоха идеализаціи, сочувственнаго превознесенія. Въ самый моментъ появленія новаго чело-
вѣка — Базарова — авторъ отнесся къ нему критически...
объективно. Это многихъ сбило съ толку — и кто знаетъ? —
въ этомъ была — быть можетъ — если не ошибка, то неспра-
ведливость».

Тѣмъ не менѣ недоразумѣніе это дѣйствительно су-
ществовало, и Тургеневъ самъ чувствовалъ охлажденіе къ
себѣ и читателей, всегда такъ восторженно принимавшихъ
любимаго писателя, и критики, обрушившейся теперь на
автора «Отцевъ и дѣтей» съ особенной энергіей. Въ неболь-
шомъ отрывкѣ «Изъ записокъ умершаго хухожника», — «До-
вольно», напечатанномъ въ 1865 г., Тургеневъ, помимо всѣхъ
своихъ философскихъ воззрѣній, мало-по-малу слагавшихся
въ умѣ художника и вылившихся въ этой вещи, живо ри-
суетъ это чувство тягостнаго разочарованія въ своемъ при-
званіи, и во всей своей художественной дѣятельности. «Что
сказать объ обыкновенныхъ, дюжинныхъ, второстепенныхъ
труженикахъ, говорить онъ, — кто бы они ни были — госу-
дарственные люди, ученые, художники — особенно художники?
Чѣмъ заставить ихъ стряхнуть нѣмую дѣнь, свое унылое не-
доразумѣніе, чѣмъ привлечь ихъ опять на поле битвы — если
только мысль о тщетѣ всего человѣческаго, всякой дѣятель-
ности, ставящей себѣ болѣе высокую задачу, чѣмъ добываніе
насушнаго хлѣба, закралась имъ въ голову! Какими вѣнками
прельстятся они — они, для которыхъ и лавры и тернія стали
равно незначительны? Изъ чего они станутъ снова подвер-
гаться смѣху «толпы холодной» и «суду глупца» — стараго
глупца, который не можетъ простить имъ, что они отвер-
нулись отъ прежнихъ кумировъ, — молодого глупца, который
требуетъ, чтобы они тотчасъ, вмѣстѣ съ нимъ, стали на

колки, легли плашмя передъ новыми, только-что открытыми идолами?» И эта меланхолическая нотка разочарованія продолжается звучать почти во всѣхъ послѣдующихъ произведеніяхъ Тургенева.

Съ этого времени отъѣзды Тургенева за границу дѣлаются болѣе продолжительными; зимой онъ живетъ въ Парижѣ или въ Баденъ-Баденѣ, который послужилъ поэту мѣстодѣйствіемъ повѣсти «Дымъ», напечатанной въ 1867 г.; — лѣтомъ — наѣзжалъ въ Спасское, гдѣ собираетъ возлѣ себя кружокъ близкихъ друзей.

Семейство Віардо, съ которыми Тургеневъ давно уже близко подружился и былъ у нихъ, какъ въ родномъ домѣ, въ 1864 году рѣшило покинуть Парижъ и поселиться возлѣ Бадена, гдѣ г-жа Віардо купила себѣ роскошную виллу, окруженную садомъ, при подошвѣ лѣсистыхъ горъ. Баденъ-Баденъ всегда привлекалъ пестрое, изысканное, общество людей, пріѣзжавшихъ сюда лечиться, и весело пожить среди чудныхъ лѣсовъ и долинъ на берегу Ооса. «Уже въ первый годъ пребыванія тамъ, говоритъ Людвигъ Питчъ, — семейство Віардо построило въ своемъ обширномъ саду нѣчто въ родѣ храма искусства, въ большомъ залѣ котораго поставленъ былъ инструментъ артистки и помѣщены лучшія изъ картинъ, собранныхъ Луи-Віардо. Тамъ съ 1864 года составлялись по воскресеньямъ столь прославившіяся музыкальныя утреннія собранія... Домъ г-жи Віардо въ Баденѣ считался въ тѣ годы какъ бы высшей школой пѣнія, куда являлись юные таланты со всѣхъ странъ, поучиться у знаменитой артистки, у которой умѣнье преподавать равнялось ея творческому генію. Особенно старалась она доставить молодымъ женщинамъ разныхъ національностей случаи попробовать силы въ маленькихъ легкихъ драматическихъ партіяхъ. Для этого, однако, нужно было найти оперетки, въ которыхъ всѣ роли, за исключе-

ніемъ одного или двухъ лицъ, могли быть исполнены пѣвцами. Съ этой цѣлью Тургеневъ написалъ три веселыхъ фантастическихъ оперетки, драматизированныя сказки, исполненныя граціознаго юмора и тонкой прелести. Г-жа Віардо написала къ нимъ музыку и иногда принимала на себя исполненіе роли влюбленнаго принца; когда же случалось, что въ числѣ друзей Віардо не доставало баритона, Тургеневъ не считалъ для себя унижительнымъ играть роль стараго колдуна, паши или людоѣда».

Уже въ 1865 году Тургеневъ, рассчитывая навсегда поселиться въ Баденѣ, купилъ здѣсь довольно большой участокъ земли, прилегающей къ парку виллы Віардо. На этомъ запущенномъ клочкѣ, поросшемъ фруктовыми деревьями, одинъ парижскій архитекторъ выстроилъ ему большую виллу, въ видѣ замка, куда Тургеневъ переселился только въ 1867 г. Живя преимущественно здѣсь почти до самаго конца 1870 г., онъ, главнымъ образомъ, работалъ надъ своими «Воспоминаніями» для полнаго собранія сочиненій;—онъ, такъ сказать, сводилъ свои литературныя счеты, убѣжденный, что устарѣлъ для нашей литературы, а домашнія, личныя дѣла, заставляющія его жить за-границей, подсказывали ему грустныя мысли, выраженные въ одномъ изъ его писемъ къ друзьямъ. «Я очень хорошо понимаю,—писалъ онъ, — что мое постоянное пребываніе за-границей вредитъ моей литературной дѣятельности, да такъ вредитъ, что, пожалуй, и совсѣмъ ее уничтожить: но этого измѣнить нельзя. Такъ какъ я въ теченіе моей сочинительской карьеры никогда не отправлялся отъ *идей*, а всегда отъ *образовъ* (даже Потугинъ — «Дымъ» — имѣетъ въ основаніи извѣстный образъ), — то при болѣе и болѣе оказывающемся недостаткѣ *образовъ* — музѣ моей не съ чего будетъ писать свои картины. Тогда я — кисть подъ замокъ, и буду смотрѣть, какъ другіе подвизаются». Слова эти самого

художника подтверждались какъ нельзя лучше на дѣлѣ: — весь десятилѣтній періодъ своей литературной дѣятельности между «Дымомъ» (1867) и «Новью» (1877) Тургеневъ представлялся въ произведеніяхъ или своими заграничными впечатлѣніями, чаще же образами и случаями изъ воспоминаній далекаго прошлаго. Въ этомъ случаѣ характерны слова Тургенева въ одномъ изъ его писемъ, гдѣ онъ говоритъ по поводу повѣсти этого періода «Несчастливая». «Эта дѣвушка, — пишетъ онъ, — дѣйствительно сидѣла на окнѣ у меня въ комнатѣ московскаго дома и дѣйствительно царапала ногами льдинки», а поминки, описанныя въ той же повѣсти, навѣяны воспоминаніями о поминкахъ Грановскаго.

Наступленіе 1870 года, а вмѣстѣ съ нимъ приближающіеся ужасы франко-прусской войны, заставили Тургенева покинуть опустѣлый Бадень, и, послѣ своей поѣздки въ Россію онъ переселился, вмѣстѣ съ семействомъ Віардо, на нейтральную почву Лондона; но на слѣдующее же лѣто они переѣхали снова въ Парижъ, а нѣсколько лѣтъ спустя, Тургеневъ, вмѣстѣ съ Віардо, купилъ возлѣ Парижа прелестный паркъ съ виллой Лефрень, и устроилъ себѣ здѣсь удобное и со вкусомъ отдѣланное помѣщеніе, гдѣ проживалъ обыкновенно лѣтомъ до самой своей смерти. Мрачное разочарованіе въ дальнѣйшей литературной дѣятельности, убѣжденіе въ невозможности написать что либо новое, капитальное, все не живя въ Россіи, болѣе и болѣе вкоренялось въ Тургенева. Онъ старался только, — какъ самъ выразился, — «держаться на поверхности, а то глупая житейская волна сейчасъ затопитъ». Тѣмъ не менѣе, по газетамъ, въ частной перепискѣ, и въ короткіе пріѣзды въ Россію онъ зорко слѣдилъ за всякимъ новымъ движеніемъ русской жизни и литературы, пристально приглядывался ко всякому новому общественному явленію. «Для предстоящей общественной дѣятельности, — писалъ онъ въ одномъ частномъ

письмѣ, — не нужно ни особенныхъ талантовъ, ни даже особеннаго ума — ничего крупнаго, выдающагося, слишкомъ индивидуальнаго, — нужно трудолюбіе, терпѣніе; нужно умѣть жертвовать собою безъ всякаго блеску и треску — нужно умѣть смириться и не гнушаться мелкой и темной и даже жизненной работы — я беру слово «жизненный» — въ смыслѣ простоты, безпристрастности... Чувство долга, славное чувство патріотизма въ истинномъ смыслѣ этого слова — вотъ все, что нужно... Мы вступаемъ въ эпоху *только полезныхъ* людей... и это будутъ лучшіе люди. Ихъ, вѣроятно, будетъ много; красивыхъ, плѣнительныхъ — очень мало.» Видѣлъ онъ и значительныя перемѣны въ жизни народа, съ момента освобожденія, переживавшаго, — какъ выражался поэтъ, — «воспитательный періодъ внутренняго хороваго развитія, разложенія и сложенія»; съ грустью подмѣтилъ онъ и новый крестьянскій типъ грамотѣя, читающаго газеты, толкующаго о событіяхъ, презирающаго своего собрата и въ то-же время обирающаго его.

Всѣ эти мысли, новыя впечатлѣнія, заставили Тургенева еще разъ выступить передъ публикой съ большимъ произведеніемъ «Новь», идея котораго давно уже его мучила и беспокоила, — романъ былъ написанъ почти безъ помарокъ въ 3 мѣсяца. Этою оригинальною вещью, не прибавившей ничего къ установившейся уже громадной славѣ художника, Тургеневъ, намѣревался окончательно распротиться съ публикой, снова подумывалъ о переводѣ «Донъ-Кихота» и иныхъ произведеній иностранной литературы, и даже вскорѣ принялся за сочиненія друга своего Флобера, изъ которыхъ перевелъ двѣ легенды. Тѣмъ не менѣе тяжелое предчувствіе приближающейся старости, признаки тяжелой болѣзни чрезвычайно мучили поэта. «Сижу я опять за своимъ столомъ, — пишетъ онъ съ грустью въ своемъ дневникѣ, вскорѣ послѣ появленія «Нови» въ печати, — а у меня на душѣ тем-

нѣе темной ночи... Могила словно торопится проглотить меня; какъ мигъ какой-то пролетаетъ день, пустой, безцѣльный, безцвѣтный. Смотришь: опять вались въ постель. Ни права жить, ни охоты нѣтъ; дѣлать больше нечего, нечего ожидать, нечего даже желать».

Но всѣ мрачныя мысли объ охлажденіи къ нему русской публики были въ значительной степени преувеличены самимъ Тургеневымъ, навѣяны съ одной стороны — нѣкоторыми рѣзкими отзывами печати, а съ другой — наглыми выходками авторовъ анонимныхъ писемъ, присылаемыхъ Тургеневу по выходѣ почти cadaго его произведенія. Не то увидѣлъ поэтъ, когда онъ самъ пріѣхалъ въ Россію, и явился передъ публикой на литературномъ чтеніи: нескончаемый рядъ дружныхъ овацій, вѣнки, громъ рукоплесканій, торжественныя привѣтствія литераторовъ и молодежи, въ особенности русскихъ женщинъ, — все это лучше всего говорило, что влияние его на общество уже давно установилось и окрѣпло, и никакіе промахи и недоразумѣнія не могли поколебать его громкой литературной славы. Петербургъ и Москва принимали его съ единодушнымъ восторгомъ. Въ Москвѣ, при одномъ появленіи его въ залѣ, въ засѣданіи «Общества любителей россійской словесности», поднялся, буквально, громъ рукоплесканій, неумолкавшихъ нѣсколько минутъ; такъ-же восторженно принимали его въ Петербургѣ; а при открытіи памятника Пушкину Тургеневъ былъ избранъ почетнымъ членомъ Московскаго университета. Къ этому нужно прибавить и тѣ единодушныя похвалы иностранной журналистики, которая, въ лицѣ всѣхъ лучшихъ своихъ представителей, поставила Тургенева въ ряду міровыхъ писателей. Сочиненія его переводились почти на всѣ европейскіе языки. Характеренъ въ этомъ случаѣ своеобразный фактъ выраженія чувствъ американца: издатель Генри Гальмъ изъ Нью-Йорка прислалъ Тургеневу чекъ, прося принять его, какъ

слабый знакъ признательности, и прибавляя, что никогда ни одно изъ издаваемыхъ имъ сочиненій не доставляло ему такого наслажденія, какъ переводы романовъ Тургенева. Въ 1879 г., въ день юбилейнаго торжества Оксфордскаго университета, Тургеневъ былъ удостоенъ почетной степени доктора и награжденъ красной мантией и четырехугольной шляпой, подаренными Тургеневу этимъ университетомъ въ знакъ особаго благоволенія.

Всѣ эти заявленія уваженія, а главное—убѣжденіе въ расположеніи русскихъ читателей, значительно поддерживали энергію поэта, хотя тяжелая болѣзнь съ каждымъ днемъ сильнѣе и сильнѣе охватывала его организмъ. Онъ, видимо, бодрился, старался себя преодолѣть; но охота жить и писать все таки не покидала его: въ 1881 году онъ выступилъ снова передъ публикой съ прелестной итальянской легендой, «Пѣснь торжествующей любви», которая вопреки всѣмъ его ожиданіямъ встрѣчена была и въ Россіи, и во Франціи, гдѣ она одновременно появилась въ прекрасномъ переводѣ, очень дружелюбно. «Въ Россіи ея не только не ругаютъ, но даже хвалятъ,—съ удивленіемъ писалъ онъ друзьямъ своимъ, — а во Франціи меня пресерьіозно увѣряютъ, что я ничего лучшаго не написалъ.»

Лѣто 1881 года Тургеневъ съ особеннымъ удовольствіемъ провелъ въ Спасскомъ, въ кругу радушной семьи поэта Я. П. Полонскаго и многихъ друзей, время отъ времени наѣзжавшихъ сюда погостить,—и это былъ послѣдній его пріѣздъ въ Россію. Здѣсь, среди окружавшихъ его воспоминаній дѣтства простыхъ деревенскихъ удовольствій, незамѣнимой предупредительности друзей, такъ искренно его любившихъ, жилось ему легко, привольно; забывалась болѣзнь, далеко улетаали всѣ тягостныя заботы. Здѣсь, среди идиллической обстановки русской деревни, Тургеневъ чувствовалъ себя дома, въ полномъ смыслѣ этого слова, проводилъ время въ прогулкахъ по лю-

бимымъ своимъ аллеямъ парка, ходилъ съ дѣтьми за грибами, заботливо окружалъ удобствами всѣхъ своихъ гостей—и въ этомъ было для него не мало трогательной радости.

А Спасское съ тѣхъ поръ когда, почти полъ-вѣка назадъ, Тургеневъ впервые покинулъ родныя мѣста, уѣзжая въ Москву учиться, переѣнилось значительно. Прежнихъ дѣдовскихъ знаменитыхъ имѣній Лутовиновыхъ не было и въ поминѣ, — все это было распродано, и даже самое Спасское отдано въ аренду. Прежнее крѣпостное рабство отошло уже въ область исторіи. Теперь на видномъ мѣстѣ въ селѣ красовался небольшой домъ въ русскомъ вкусѣ — сельская школа. Наконецъ, дальше, можно было найдти здѣсь и богадѣльню, и больницу, выстроенныя Тургеневымъ, а при вѣздѣ въ село отстраивалась красивая часовня въ память освобожденія крестьянъ. Но съ другой стороны Тургеневъ не могъ не замѣтить новыхъ недуговъ крестьянской жизни, которые разоряли въ конецъ русскую деревню. Онъ видѣлъ теперь бывшихъ крестьянъ своихъ въ кабалѣ у ловкаго кулака; десятина строеваго лѣса, которую ежегодно дарилъ онъ своимъ крестьянамъ, бесполезно вырубалась и пропивалась, школа его посѣщалась неохотно крестьянскими дѣтьми; — обо всемъ этомъ съ грустью говорилъ Тургеневъ, не будучи уже въ силахъ помочь новому крестьянскому горю.

Въ слѣдующемъ, 1882 году, тяжело больной, вотъ что писалъ онъ изъ-за границы Спасскимъ крестьянамъ: «Я получилъ ваше письмо и благодарю васъ за добрую память обо мнѣ и за хорошія пожеланія. Мнѣ самому очень жаль, что болѣзнь помѣшала мнѣ въ нынѣшнемъ году побывать въ Спасскомъ.—Мое здоровье поправляется, и я надѣюсь, что будущее лѣто проведу въ Спасскомъ. Дошли до меня слухи, что съ нѣкоторыхъ поръ у васъ гораздо меньше пьютъ вина; очень этому радуюсь и надѣюсь, что вы и впредь будете отъ

него воздерживаться: для крестьянина пьянство — первое разореніе. Но жалѣю, что, тоже по слухамъ, ваши дѣти мало посѣщаютъ школу. Помните, что въ наше время безграмотный человекъ тоже что слѣпой или безрукій.»

Но эта надежда Тургенева вернуться въ Россію была уже неосуществима. Вскорѣ къ намъ стали доноситься тревожныя вѣсти о тяжелой, неизлѣчимой болѣзни Тургенева. Болѣзнь эта была беспощадна и мучительна, и лучшія медицинскія знаменитости міра не могли возвратить его жизни; «Вы знаете, — говорилъ Тургеневъ своимъ друзьямъ: — какъ иногда комната бываетъ пропитана запахомъ мускуса, и этотъ запахъ ничѣмъ не уничтожишь. Точно также я всегда чувствую вокругъ себя запахъ тлѣнія, вѣянія смерти и разрушенія». Тѣмъ не менѣе, и среди всѣхъ этихъ тяжелыхъ и мучительныхъ страданій въ немъ не угасъ еще могучій талантъ художника. Въ минуты, когда боли утихали, онъ работалъ надъ своей послѣдней повѣстью «Клара Миличъ», навѣянной поразительнымъ психологическимъ фактомъ изъ жизни провинціальной артистки Кадминой, злополучную исторію которой сообщила Тургеневу жена поэта Я. П. Полонскаго, — и заканчивалъ очеркъ изъ «Воспоминаній своихъ и чужихъ» — «Отчаянный», а позднѣе, когда онъ уже не въ силахъ былъ вставать съ постели, и часто впадалъ въ безпамятство, въ короткія минуты, когда ему становилось лучше, онъ писалъ свои «Стихотворенія въ прозѣ», — чудные и задушевнѣйшіе отклики замирающаго гения. *Это были слезы, струившіяся изъ очей его, устремленныхъ въ Россію, заглядывавшихъ во дворы сильныхъ, въ кабинеты мечтателей, въ избы добродушныхъ мужиковъ. Это были картинки, писанныя слезами, согрѣтыя горячимъ сердцемъ, до послѣдней минуты бывшимъ для блага русскаго народа.*

И даже смерть, сторожившая уже поэта у изголовья кро-

вати, не могла отогнать отъ него мысли о родинѣ, о русской, дорогой ему, литературѣ. Почти на краю могилы слабою рукою пишетъ онъ карандашемъ послѣднее завѣщаніе другому великому русскому писателю, своему сопернику и другу (графу) Льву Николаевичу Толстому: *«Другъ мой, вернитесь къ литературной дѣятельности! Вѣдь этотъ даръ вашъ оттуда, откуда все другое. Ахъ, какъ я былъ бы счастливъ, еслибъ, могъ подумать, что просьба моя такъ на васъ подѣйствуетъ!!... Другъ мой, великій писатель русской земли—внемлите моей просьбѣ!»*

Послѣднія минуты Тургенева полны самыхъ мучительныхъ страданій. Въ полубредѣ, бормоталъ онъ безсвязныя слова,—и все по русски. Вокругъ постели его стояли немногіе изъ близкихъ друзей и все семейство Віардо. *«Ближе, ближе ко мнѣ, говорилъ умирающій, вскидывая вѣками во всѣ стороны и дѣлая усилія обнять дорогихъ ему людей: пусть я вслѣдъ васъ чувствую около себя.... Настала минута прощаться.... прощаться....* А въ два часа, 23 Августа 1883 года, Ивана Сергѣевича уже не стало.

Вѣсть о кончинѣ великаго писателя съ быстротой электрической искры разнеслась повсюду. Русскія газеты, вышедшія на этотъ разъ въ траурныхъ рамкахъ, повсюду разнесли печальную вѣсть о смерти Тургенева; скоро и вся иностранная печать отозвалась прочувствованнымъ словомъ, по поводу утраты, понесенной русскимъ обществомъ. А Россія, научившаяся наконецъ понимать, какъ многимъ она обязана литературѣ, готовила любимому поэту похороны неслыханныя... Ни Пушкинъ, ни Гоголь, не удостоились ничего подобнаго. Съ тѣхъ поръ уже успѣло сложиться въ обществѣ уваженіе

къ трудной и великой дѣятельности писателя, созрѣло уже сознание,

Что творческая рѣчь поэта —
Гражданскій подвигъ; что она —
Источникъ воздуха и свѣта;
Что ею движется страна,
Что этотъ человекъ не громкій,
Работникъ въ скромной тишинѣ —
Одинъ изъ тѣхъ, кого и дальніе потомки
Глубоко чтить должны съ героемъ наравнѣ....

(П. И. Вейнбергъ).

Все русское общество слилось въ одной общей скорби и проводило останки великаго писателя до самой могилы. Съ самыхъ отдаленныхъ окраинъ Россіи присылались депутаціи и вѣнки на гробъ Тургенева, служились панихиды по усопшемъ, учреждались школы и стипендіи его памяти. 27 Сентября 1883 года гробъ съ великимъ писателемъ прибылъ изъ за-границы въ Петербургъ и торжественно встрѣченъ былъ множествомъ представителей города и литературы. Величественное похоронное шествіе, болѣе 180 депутацій, съ роскошными вѣнками, медленно двигалось среди несмѣтной толпы народа, на семь протяженій пути, покрывавшей всѣ тротуары, балконы, заборы и даже крыши домовъ. Слышалось неумолкаемое пѣніе «Святый Боже!» — этою напутственной молитвой русское юношество провожало своего любимаго поэта — учителя. Но

Не здѣсь, не въ мерцаньи свѣчей погребальныхъ,
Не въ пестрой толпѣ, не при громѣ рѣчей,
Не въ звукахъ молитвъ заунывно печальныхъ,
Поймемъ мы всю горечь утраты своей.
Поймемъ ее дома, поймемъ надъ строками

Высокихъ и свѣтлыхъ твореній твоихъ,
Заслышавъ, какъ сердце трепещетъ слезами —
Слезами восторга и чувствъ молодыхъ.

(С. Надсонъ).

Въ Петербургѣ, въ одной изъ отдаленныхъ окраинъ столицы раскинулось громадное Волково кладбище. Это цѣлый «мертвый городъ» со множествомъ кварталовъ, съ тремя церквями, съ улицами и переулочками. Есть тутъ и особая улица, прозванная «Литературные мостки», которая ведетъ къ могиламъ Бѣлинскаго, Добролюбова, Писарева, Рѣшетникова и другихъ. Среди чахлахъ березъ и мелкаго кустарника пріютились тутъ старинныя, ввалившіяся въ землю могильныя плиты; кое-гдѣ высится монументъ богача или военнаго героя, но на всемъ легла рѣзкая печать времени: ограды обвалились, прежнія дерновыя обшивки могилъ превратились въ плоскія, едва замѣтныя возвышенія; деревянныя кресты покривились и завалились. Тутъ уже почти никого не хоронятъ, а современемъ кладбище это совсѣмъ упразднить, но цѣлый рядъ дорогихъ могилъ всегда будетъ привлекать сюда не мало посѣтителей.

Здѣсь же, возлѣ главной большой церкви, на просторной площадкѣ, высится громадная черная мраморная плита, обнесенная массивной рѣшеткой. Множество вѣнковъ и цвѣтовъ, которыми уставлена эта плита, невольно обращаютъ на себя вниманіе, а высѣченныя крупными буквами на камнѣ слова: «Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ» останавливаютъ у этой могилы и юношу, и старца... Благоговѣнно кланяются они могилѣ, сокрывшей на вѣки дорогой прахъ, великаго поэта, живаго въ памяти благодарныхъ соотечественниковъ.

УКАЗАТЕЛЬ

главныхъ критическихъ статей о произведеніи

И. С. Тургенева.

В. Г. Бѣлинскій. *Собраніе сочин.* Т. VII. Подробный разборъ поэмы „Параша“.

И. В. Анненковъ. „Воспоминанія и критическіе очерки“, Т. II. („Записки Охотника“, „Дворянское гнѣздо“, „Ася“, „Дымъ“).

А. В. Дружининъ. *Собраніе сочин.* Т. VII. („Повѣсти и рассказы: „Андрей Колосовъ“, „Три портрета“. „Брѣттеръ“, „Жидъ“, „Пѣтушковъ“, „Дневникъ лишняго человѣка“, „Разговоръ на большой дорогѣ“, „Три встрѣчи“, „Два пріятели“, „Муму“, „Затишье“, „Яковъ Пасынковъ“, Переписка“, „Рудинъ“, „Фаустъ“).

А. Григорьевъ. — *Сочиненія.*

Добролюбовъ. *Сочиненія.* Т. III. („Наканунъ“).

М. Авдѣевъ. „Наше общество въ герояхъ и героиняхъ литературы“.

Г. Венгеровъ. — „Русск. лит. въ ея современныхъ представителяхъ“ (Критико-біографическій очеркъ; разборъ стихотвор. и „Записокъ Охотника“).

В. Буренинъ. — „Литературная дѣятельность Тургенева“. (Пolemическій разборъ всѣхъ сочиненій).

Иностранная критика о Тургеневѣ. (Ренанъ, Абу, Шмидтъ, Брандесъ, Де-Вогюз, Питчъ, Ральстонъ, Додэ, Мопассанъ, Крашевскій, Меримэ).

Сочиненія Виктора Острогорскаго.

I) Изъ народнаго быта. № 1. **Титъ.** Подборъ русскихъ пословиць и поговорокъ. Спб. 1883. Ц. 10 к.

№ 2. **Маланья.** Подборъ русскихъ пословиць, прибаутокъ и поговорокъ. Спб. 1883. Ц. 10 к.

№ 3. **Вавило.** Подборъ русскихъ примѣтъ. Спб. 1883. Ц. 10 к.

№ 4. **Мама на двѣичникъ.** Подборъ русскихъ пѣсень и причитаній. Спб. 1883. Ц. 10 к.

№ 5. **Илья Муромецъ,** крестьянскій сынъ, по народнымъ былинамъ. Спб. 1883. Ц. 10 к.

II) Изъ міра великихъ преданій. 1) **Роландъ** (изъ древней французской поэмы). 2) **Король Лиръ** (по Шекспиру). 3) **Зимняя свазка** (по Шекспиру). 4) **Вильгельмъ Телль** (по Шиллеру). 5) **Принц** (по Теодору Кернеру). Разказы для юношества, съ рисунками Кившенко и Панова. Спб. 1883. Ц. 1 р., въ папкѣ 1 р. 20 к.

III) Русскіе писатели, какъ воспитательно-образовательный матеріалъ для занятій съ дѣтьми и для чтенія народу. (Кольцовъ, Крыловъ, Пушкинъ, Жуковскій, Гоголь, Лермонтовъ, Майковъ, Мей, Некитинъ, Шевченко, Тургеневъ, Григоровичъ, графъ Левъ Толстой и Погосскій). 1883. Цѣна въ папкѣ 2 р.

IV) Очерки Пушкинскои Руси. С.-Петербургъ. 1883. Ц. 50 к.

V) Выразительное чтеніе. Пособіе для учителей и учащихся. Спб. 1885. Ц. 50 к.

VI) Хорошіе люди. Сборникъ разказовъ съ 45 рисунк. Шпаба и Малышева. Спб. 1883. Ц. 1 р. 50 к.

VII) Мгла. Драма въ 5 д. Спб. 1883. Ц. 1 р.

VIII) Руководство къ чтенію поэтическихъ сочиненій Л. Экардта. Съ приложеніемъ краткаго учебника теоріи поэзіи. Для мужскихъ и женскихъ учебныхъ заведеній. Перевели и составили приложеніе Н. Максимовъ и В. Острогорскій. Изд. 2-е, измѣненное. 1877. Ц. 1 р.

IX) Русскіе писатели для шволь. Подъ редакціею и съ предисловіемъ Виктора Острогорскаго. Пособіе для среднихъ учебныхъ заведеній.—Выпускъ I. *В. А. Жуковскій,* его жизнь и сочиненія. Составилъ В. А. Иборниковъ. Спб. 1885. Ц. 40 к.—Выпускъ II. *И. С. Тургеневъ.* Составилъ И. И. Крампъ. Спб. 1885. Ц. 40 к.

X) Бесѣды о преподаваніи словесности. Спб. 1885. Ц. 80 к.

КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ

Николая Дмитриевича Тяпкина

принимаетъ на комиссію постороннія изданія, подписку на всё періодическія изданія и высылаетъ иногороднымъ всё книги, опубликованныя въ газетахъ и другихъ каталогахъ,

С.-Петербургъ, Васильевскій Островъ, 5 л., д. № 6.

СКЛАДЪ ИЗДАНИЙ:

XV типовъ изъ рассказовъ А. Печерекаго (Мельникова). «Въ Лѣсахъ», рисунки П. Боклевскаго. Ц. въ папкѣ 13 р., съ перес. 15 р.

Руководство практической ариметики, въ объемѣ курса гимназій и другихъ среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ А. Вороновъ. Спб. 1883 г. Цѣна 75 к.

Одобрено какъ руководство по ариметикѣ для всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія.

Физика въ простыхъ урокахъ. Д. Гиндаля. Пер. съ англ. подъ редакціею проф. Шимкова. Изд. 2-е. Ц., 75 к., съ пер. 1 р.

Одобрено мин. нар. проsv. какъ учебное пособіе для среднихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ, также для учительскихъ институтовъ и семинарій и для библиотекъ начал. училищъ.

Робинзонъ въ русскомъ лѣсу. Рассказъ для дѣтей, съ рис. въ текстѣ. О. Качукаковой. Ц. 1 р. 50 к., въ папкѣ 1 р. 75 к.

Допущена мин. нар. проsv. въ народныя училища.

Дюгамель. Методика ариметики и алгебры. Ц. 75 к., съ пересылкою 1 р.

Дюгамель. Методика геометріи. Ц. 70 к., съ пер. 1 р.

Самаровъ. Императрица Елизавета Петровна. Романъ-хроника изъ исторіи Россіи. 2 т. Спб. 1882 г. Ц. 3 р.

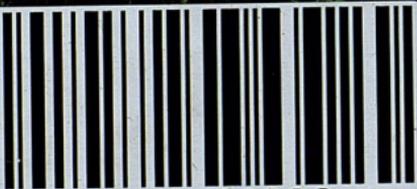
Отто Уле. Почему и Потому. Учебникъ физики въ вопросахъ и отвѣтахъ съ 110 рис. Изд. 4-е. Ц. 1 р.

Ученическая библиотека греческихъ и латинскихъ классиковъ. Пособіе для изучающихъ древніе языки. *Энеида* *Виргилія* (книга III) въ подстрочномъ переводѣ. Ц. 30 к.

Тоже. (Книга IV) > > > Ц. 30 к.

2010516096